

Надежда
Черпинская

A romantic Western-style illustration. A man with long, wavy brown hair and a light beard is embracing a woman with long, flowing blonde hair. The woman is wearing a light-colored, off-the-shoulder dress with lace detailing. The man is wearing a light-colored button-down shirt and blue jeans with a brown belt and a holster. They are standing in a grassy field with a wooden barn in the background and snow-capped mountains in the distance under a dramatic, cloudy sky. The overall tone is warm and romantic.

КРОШКА ЭННИ
НА КРАЮ СВЕТА

Надежда Черпинская

Крошка Энни на краю света

<https://litres.ru/74205913>

Аннотация

Аттрика – суровый край по ту сторону моря. Вот и всё, что Энни знала о недавно открытом материке. Дикие земли, непроходимые леса, хищные звери... И не менее опасные поселенцы: каторжники, авантюристы, бродяги. А потом она оказалась на корабле, везущем будущих жён для колонистов. Впереди – аукцион невест, где всё решает случай, вынужденный брак и мир, в котором царят свои жестокие законы. Сможет ли Энни выжить и найти своё место где-то там, на краю света?

Однотомник

Вынужденный брак/ Освоение колониальных земель/
Постепенное развитие отношений/ Неунывающая героиня /
Настоящий мужчина / Суровый быт и нежные чувства

!Без насилия, принуждения и измен между главными героями!

!!! Без использования ИИ !!!

Содержание

Пролог	4
Глава 1	14
Глава 2	21
Глава 3	28
Глава 4	34
Глава 5	41
Глава 6	47
Глава 7	55
Глава 8	61
Глава 9	67
Глава 10	73
Глава 11	79
Глава 12	86
Глава 13	92
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Пролог

– Лот 239, Анна Уайт из Розенторна...

Энни вздрогнула. Вроде бы, ждала этот миг, но собственное имя всё равно прозвучало как гром среди ясного неба.

– *Милли* Анна, попрошу выйти вперёд! – поторопил пожилой судья, в который раз промокнув смятым платком забавные пушистые усы и блестящую от пота лысину.

Энни смотрела на то, как солнце сияет на его гладком затылке, и не двигалась с места. Нет, судья говорил чётко и громко, и она всё отлично расслышала.

Но в тот самый миг, когда ей, как и всем предыдущим женщинам, следовало пойти к краю помоста, ноги вдруг перестали слушаться, будто приросли к нетёсаным доскам. Она застыла, глядя на лоснящуюся макушку судьи, словно на спасительный огонь маяка. Кажется, до сих пор ждала, что этот забавный усатый старик сейчас обернётся к ней, рассмеётся и скажет, что всё это глупая шутка.

– Милли Анна! – чуть злее и громче окликнул строгий худощавый мужчина, что стоял рядом с судьёй у высокой конторки и тщательно вписывал имена в толстую тетрадь.

Энни уже знала, что это и есть гранд-мастер Джей Гарнет, наместник форта Новый Лоу. Считай, один из самых важных

людей Аттрики. Злить такого человека точно не стоило. Но она ничего не могла с собой поделать – сделать хоть шаг было выше её сил.

– Иди уже! – шикнул кто-то из женщин ей в затылок и бесцеремонно пихнул в спину.

При её росте и мышинном весе вытолкнуть Энни было проще простого. Она вылетела сразу на несколько шагов вперёд и с трудом удержалась на ногах.

Ух, не хватало ещё растянуться у всех на виду! Будет тогда потеха...

Впрочем, потеха началась и без этого.

В неё разом впилося больше сотни взглядов: острых, как иглы, жгучих, как горчица, которую ей однажды подсунула вредина Бетти. Насмешливых, похотливых, липких. Ни одного сочувствующего. Щёки мгновенно запылали костром, губы задрожали.

О, благие духи, помогите! Скорее бы всё закончилось...

– А это что за пигалица? – раздалось со смешком где-то в первых рядах.

И тут же понеслось... Сразу со всех сторон. Будто кто-то отдал команду.

– Эй, мастер Харрис, а где невеста-то? Что-то никак не разгляжу? У кого-нибудь есть подозрная труба?

– Какая же это Анна, мастер судья? Она ещё и до Энни не доросла.

– Крошка, тебя как мамка-то сюда одну отпустила?

– Харрис, ты что нам подсунул? С каких пор на аукцион птенцов желторотых выставляют?

– Потихе, уважаемые! Попрошу соблюдать тишину и порядок, – одёрнул, нахмурившись, судья. – Все невесты, прибывшие к нам из Лардлоу, достигли брачного возраста. У нас всё строго по закону. Так я говорю?

Оцепеневшая Энни вновь пропустила обращение, просто не поняла, что этот вопрос мастер Харрис задал уже ей.

Никогда ещё она не чувствовала себя настолько униженно. В приюте ей частенько доставалось из-за её крохотного роста, но столько едких фраз сразу... Такое было впервые. И ведь не ответишь насмешникам. Начни она огрызаться в ответ – лишь раззадорила бы ещё больше.

Солнце немилосердно слепило глаза, мешая разглядеть тех, кто собрался у помоста. Лишь иногда из бело-золотого марева вдруг проступал чей-то насмешливый взгляд или ехидная ухмылка, но это не мешало ей ощущать кожей, как на неё смотрели – больше двух сотен мужчин, оголодавших по женским ласкам.

Энни не покидало отвратительное чувство, что она стояла перед ними совершенно голой. И тут не спасала даже старенькая приютская униформа – более чем скромная, с глухим воротником под горло и длинными рукавами. Хотелось провалиться сквозь землю, а не отвечать на глупые вопросы. Но судья будто нарочно тянул время. И требовал ответа.

– Сколько вам лет, милли Анна?

– Почти девятнадцать... – разлепив пересохшие губы, сказала она.

И тут же мысленно отвесила себе подзатыльник.

Вот же дура! Благие духи, почему она такая дура? Надо было солгать – сказать, что ей шестнадцать или семнадцать. Может, тогда всё это безумие закончилось бы прямо сейчас. Ей велели бы уйти с помоста, а потом... Энни не представляла, что было бы потом, но в этот миг ей просто хотелось отсрочить неизбежное.

Разумеется, они бы всё равно проверили её бумаги, раскрыли ложь... Но, главное, что это случилось бы не прямо сейчас.

– Вот видите, никакой ошибки, – невозмутимо продолжил судья.

– Ошибкой будет, если ты сейчас вытянешь мой лот, мастер Харрис! – снова выкрикнул кто-то из толпы. – Я не для того платил триста картунов, чтобы мне вместо молодой кобылки подсунули пони.

– Зато такую прокормить ничего не стоит, – откликнулся другой. – Никаких хлопот с такой жёнушкой не будет.

– Точно, эта крошка не сожрёт столько, сколько твоя Большая Бетт, – захохотал бородач в первом ряду, изображая в воздухе нечто огромное, похожее на гору.

– Ага, и всегда можно взять с собой в лес – в карман положить, а когда нужно достать, – под всеобщий хохот сострил ещё один.

– Да что вы понимаете, олухи! Такие малютки горячи, как адарский перец. Там столько огня и страсти, что вам и не снилось, даст фору всем этим вашим *кобылкам*, – неожиданно вступился за неё темноволосый в первом ряду.

Он держался в тени навеса, потому Энни рассмотрела говорившего на удивление хорошо. Один из немногих, кто не потешался над ней, зато смотрел так, что от чёрного масляного взгляда Анна опять вздрогнула.

– Я бы такую крошку-пони объездил с удовольствием... – облизнув губы, добавил черноглазый.

Энни невольно сглотнула. По коже, несмотря на знойное солнце, пробежали ледяной озноб.

«Только бы не он!» – мысленно взмолилась она.

– Мечтай больше, Даки! – захохотал обладатель Большой Бетт. – Тебе ещё три года баб только во сне *объезжать*...

– Всё лучше, чем с такой, как у тебя, – не остался в долгу Даки.

– А ну-ка, прекратили балаган! – рявкнул, теряя терпение, наместник Гарнет. – Кто сейчас откроет рот, вылетит с аукциона без права участия на год. И взнос не вернём! Ясно?

Над площадью мгновенно повисла тишина.

– Давайте, мастер Харрис! – потопил Гарнет. – Тяните наконец!

Судья уже привычно запустил обе руки в стоявшую перед ним небольшую бочку, помешал хорошенько и вытащил, не глядя, небольшую дощечку с тремя цифрами, выведенными

белой краской.

– Лот 142, – провозгласил он, поднимая повыше свой *улов*, чтобы всем было видно.

Энни уже сообразила, что Харрис делал это не только для того, чтобы никто не усомнился в честности аукциона. Просто не все здесь были грамотны и знали цифры. Так они могли сравнить надпись на дощечке судьи со своей собственной, которую держали в руках.

Сердце неистово затрепыхалось в груди. Вот сейчас всё и решится.

Энни, почти не дыша, ждала своей участи. Конечно, все эти мужчины внизу для неё были чужими, все одинаково пугали... Она не хотела становиться женой ни одного из них. Но выбора ей не оставили. Потому Энни могла уповать лишь на то, что ей выпадет *меньшее зло*.

Вот и настал этот решающий миг – сейчас она увидит того, кому достанется, с кем ей предстоит жить в ближайшие годы. Если, конечно, она протянет хотя бы несколько лет в этом диком краю.

Она скользила взглядом по толпе, выискивая того, кто поднимет таблицу с номером 142. И не только она, все оглядывались по сторонам, выискивая *счастливица*, но пока никто не спешил признаться.

– Лот 142, – снова повторил судья. – Ну же... кому достанется в жёны милли Уайт?

– Похоже, никому, – снова не удержался кто-то в толпе.

– Кажись, кто-то испугался, что раздавит крошку-пони, когда будет *объезжать*...

Энни уже не слушала все эти пошлости. Сейчас её мысли были заняты другим – радоваться или плакать? Похоже, тот, кому выпал жребий, не желал её забирать. Может быть, это к лучшему? Может, теперь она получит свободу?

Вот бы ей дали просто жить, самой по себе... Здесь, в форте, ведь наверняка и для женщины найдётся какая-нибудь работа. К труду она с детства привычная, тяжёлой работой её не испугаешь. А вот предстоящий брак с незнакомцем страшил до дрожи.

– Гранд-мастер Гарнет, – флегматично обратился к наместнику судья Харрис, – гляньте, кто там у нас такой скромный?

Наместник пробежался взглядом по записям в тетради.

– Лот 142... Мастер Джонатан Уайз, – объявил он так громко, что слышали все на площади.

– О, так это Джо так свезло!

– Джонни, забирай свою пони!

– Надо ж так, Уайз и Уайт! У них даже фамилии похожи...

Это судьба, Джо.

– Джо, хватай быстрее свои двадцать фунтов счастья!

– Ага... пока ветерком не унесло, или птицы не утащили.

Насмешки посыпались снова, теперь уже в сторону неведомого мастера Уайза.

Похоже, здешний люд имел не так много развлечений, и

на сегодняшнем аукционе они не упускали возможности посмеяться от души. Толпа зашевелилась, озираясь и выискивая виновника веселья. Но тот по-прежнему не давал о себе знать.

– Мастер Джонатан, вы забираете свою невесту? – вновь подал голос наместник форта Лоу. Терпение явно не было его добродетелью. – Или уступаете своё право другому и отказываетесь от участия на три года?

– Джонатан, поспеши, сейчас всё про... – снова загоготал кто-то в толпе.

– Пусть отказывается! – перебив очередного насмешника, оживился черноглазый Даки. – Если Уайзу такая аппетитная малютка не по зубам, я готов забрать её себе. Эй, Харрис, отдайте её мне! Я готов внести триста картунов прямо сейчас, и ещё сотню сверху накинута. Для казны форта лишним не будет...

Энни произвольно попятилась, словно боялась, что черноглазый стащит её с помоста, не дожидаясь позволения. Она, конечно, и этого странного Джонатана, который не спешил за ней явиться, в глаза не видела, но там хотя бы ещё оставалась надежда на что-то.

– Помолчи, Даки Эймс! – отмахнулся судья. – Ты не участвуешь сегодня в аукционе, и ещё три года не участвуешь... Так что милли Уайт, в любом случае, уйдёт сегодня не с тобой.

– Ну так... если этот цыплёнок всё равно никому боль-

ше не нужен, отдайте мне! – не унимался настырный Эймс, сверкая пугающими тёмными глазищами. – Я пригрею...

– Перебьёшься, Даки! – вдруг отчётливо раздалось неподалёку.

Первые ряды пришли в движение, пропуская кого-то ближе к помосту. Энни всё ещё не видела этого мужчину толком, лишь мелькавшую то и дело широкополую шляпу.

Поравнявшись с Даки Эймсом, *шляпа* холодно буркнула: – Держи свои лапы подальше! Это моя женщина. Свою ты уже угробил.

Темноглазый ощерился, как цепной пёс, и прошипел с вызовом:

– А ну-ка повтори! Ты это на что намекаешь?!

Кажется, мужчины готовы были схлестнуться уже не только на словах, но тут в перепалку вмешался судья Харрис:

– Мастер Уайз, так вы берёте в жены милли Анну Уайт, доставшуюся вам по воле благих духов?

– Беру!

Он шагнул на первую ступеньку лестницы, поднял голову, и Энни, наконец, увидела того, кто только что стал ей мужем.

Мои дорогие, приглашаю вас в увлекательное путешествие на недавно открытый континент! Вас ждут приключения, любовь и шепотка чудес!

Вынужденный брак / Освоение колониальных земель / Постепенное развитие отношений / Неунывающая героиня /

Настоящий мужчина / Суровый быт и нежные чувства

Однотомник

Добро пожаловать на край света!

Глава 1

Днём раньше...

Протяжный жуткий скрежет заставил Энни подскочить и замереть испуганно.

Да и не одну её. По гигантскому чреву корабля прокатилась дрожь, отзываясь в телах и сердцах всех обитательниц трюма.

Казалось, их уже ничем не напугать, но так только казалось.

– О, благие духи, мы что тонем? – охнул кто-то.

– Только бы не риф!

Женщины с тревогой вслушивались в страшные незнакомые звуки, вглядывались в полумрак.

Вот уже месяц Энни жила, как и все здесь, ориентируясь больше на звуки, чем на то, что видят глаза. Но такого она прежде не слышала.

Обычно сквозь толстые стены судна долетали только плеск волн, вой ветра, строгие приказы капитана, редкие перекрикивания матросов. О том, что происходило наверху, приходилось лишь догадываться.

Правда, изредка, по несколько человек, их выпускали из душного тесного трюма на палубу, и тогда она радовалась как ребёнок. Радовалась солнцу, что до боли резало глаза. Радовалась пронизывающему солёному ветру, что хлётко

бил в лицо и трепал волосы, мигом превращая её аккуратные светлые косы в клубок спутанных букулей. А больше всего Энни нравилось смотреть на море, такое огромное, немного пугающее своей мощью, но невероятно красивое, яркое, многоцветное, величественное.

Прежде она никогда не видела моря. Ей доводилось о нём только читать. И, конечно, она даже не представляла, что однажды придётся его пересечь и отправиться на самый край света.

Впрочем, Энни, вообще, прежде мало что доводилось видеть. Всю свою жизнь она провела в сиротском приюте, за стены которого воспитанниц выпускали редко. Так что теперь ей всё было в новинку. И, как выяснилось, к большей части того, что подкинула ей судьба и новая взрослая жизнь, она оказалась совершенно не готова.

Путешествие почти в месяц длиной в тесном трюме корабля было тем ещё испытанием. Даже в приюте жилось намного легче, а там воспитанниц точно не баловали.

Правда, в этом тяжёлом путешествии Энни хотя бы с чем-то повезло. Она обладала маленьким ростом, почти детской фигурой. То, что всегда расценивалось её окружением как недостаток, за что она получила прозвище Крошка Энни, здесь неожиданно стало её преимуществом. Анна, одна из немногих, могла свободно передвигаться внутри корабля, лишь чуть склоняя голову. В то время как большинство женщин предпочитало сидеть или лежать, ведь стоя, им прихо-

дилось сгибаться вполювину.

Но повезло Энни только в этом. Все остальные невзгоды ей приходилось терпеть наряду со всеми.

Больше всего досаждала даже не теснота и склоки, которые, естественно, не могли не возникнуть при таком скоплении народа, да ещё и женского пола. И даже не духота, влажность и ужасные запахи, которые вовсе не выветривались из трюма. Пожалуй, даже с унижительной необходимостью ходить по нужде на ведро, практически на виду у всех остальных, вышло смириться.

Но вот нехватка пресной воды и невозможность нормально вымыться удручала до слёз.

Пить, к счастью, им давали достаточно. Голодом тоже никто не морил. Некоторые попутчицы, правда, возмущались, что их кормят отбросами, которые невозможно есть, но Энни, привычная к простой еде, уплетала всё, что доставалось, за обе щёки.

Да и вообще, вопреки худшим опасениям, относились к ним здесь вполне сносно. Команда над ними не издевалась, даже жалела. Но условия на судне были самые примитивные, убогие, и это, к сожалению, никак нельзя было изменить.

Пополнить запасы в пути было негде. Потому мытье на корабле считалось роскошью, без которой можно обойтись. Той капли воды, что им выдавали для этой процедуры раз в пять дней, хватало только на обтирание влажной тряпкой. Постирать одежду тоже не представлялось возможным.

В приюте за чистотой следили строго. За пятно на платье или грязные руки можно было на два дня остаться голодной. Так что Энни привыкла мыться каждый день, пусть и в прохладной воде. Здесь же сперва опасалась, как бы при таком положении дел не наловить вшей или не подцепить какую-нибудь заразу.

Но капитан их судна, носящего гордое название «Король Виллмельгер», на этот случай предусмотрительно запасся бочонком с настойкой *ксены*.

Раз в три дня кому-то из женщин поручалось опрыскать этой горьковатой и едко пахнущей жидкостью весь трюм, а заодно и его обитательниц. Это спасало от паразитов и болезней, но добавляло ещё один не самый приятный аромат, к тем что уже ютились в тёмном чреве корабля.

Впрочем, и с этим тоже можно было смириться – уж лучше гадкая ксена, чем какая-нибудь неизлечимая хворь, которая могла бы разом погубить всех, кто плыл на «Виллмельгере».

Всё остальное, пожалуй, было почти терпимо. По крайней мере, сейчас, когда они провели в пути месяц и со многим свыклись.

Поначалу же было очень страшно и тяжело. Незнакомая обстановка, непонятные звуки, знакомые люди вокруг – это заставляло всё время быть настороже, не спать, прислушиваясь к каждому шороху.

А больше всего ужасала мысль, что они так далеко от зем-

ли, вокруг необъятная бездна вод. Любая волна могла по своей прихоти пустить корабль на дно, и тогда все они сгинули бы без вести.

Пока об этом Энни думала намного чаще, чем о том, что им ещё предстояло, если «Король Виллмельгер» всё-таки дойдёт до таинственных земель Аттрики. Там в суровом далёком краю её наверняка ждало гораздо больше испытаний и опасностей, но думать о них пока было рано.

Хотя порой, лежа на своём месте и глядя на тёмные балки над головой, Энни болтала об этом с Эммой, свой попутчицей и подругой по несчастью.

Они познакомились уже здесь, на корабле, и даже успели сдружиться за этот месяц.

Эмма была чуть старше и гораздо смелее, так что прибытия в Новый Лоу ждала скорее с нетерпением и любопытством. Энни отчасти её даже понимала.

Как-то Эмма призналась, что прежде, в Лардлоу, зарабатывала на жизнь не самым пристойным для женщины способом, так что для неё Аттрика была шансом изменить жизнь, обрести мужа, семью, дом.

Энни тогда подумала, что на её месте тоже не отказалась бы от такой возможности – уж лучше умчаться на край земли и выйти за первого встречного, чем торговать с собой.

Как позже выяснилось, опять же благодаря болтливости Эммы, большая часть женщин, которых везли в Аттрику, занималась тем же *ремеслом*, что и Эмма. И для них это дей-

ствительно был шанс изменить свою жизнь к лучшему.

Король Виллмельгер Лоу III, по указу которого все они оказались на этом судне, разом избавился сразу от нескольких хлопот. Во-первых, обеспечил поселенцев в своих новых владениях жёнами, которых те давно уже требовали. Во-вторых, очистил степенный старый Лардлоу от распутных девиц и прочих неблагонадёжных особ, к примеру, осуждённых за мелкие преступления: уличных воровок, мошенниц, гадалок. В-третьих, избавил казну от расходов на убогих сироток, которых по достижению восемнадцати лет всё-таки поддерживали ещё какое-то время, пока те не выйдут замуж или не обзаведутся жильём и работой. Их пытались куда-то пристроить, а не просто вышвырнуть на улицу.

Энни Уайт, которой шёл уже девятнадцатый год, как раз надеялась в ближайшее время получить место гувернантки или же учительницы в школе для девочек. Она вполне могла рассчитывать на подобное. Училась Энни всегда охотно, перечитала всю скромную библиотеку приюта и всю нескромную (состоящую в основном из любовных романов) библиотеку милли Ирен, одной из молодых наставниц, которая отчего-то обожала Энни и тайком баловала, как могла.

Словом, у Энни Уайт были свои планы на жизнь, и она точно не мечтала о том, чтобы оказаться на этом корабле. Да что там... даже представить не могла, что судьба так зло над ней пошутит.

В то утро, когда старшая наставница Агнес вызвала её

к себе и велела собирать вещи, Энни едва не расцеловала вредную надменную старушонку. Поблагодарив за прекрасные вести, Энни тут же бросилась к двери, при этом чувствуя себя так, будто парила над землёй на крыльях счастья.

И уже на самом пороге решила всё же спросить:

– Прощу прощения, милли Агнес, а куда меня берут на работу?

Наставница отчего-то виновато опустила глаза, что за ней обычно не водилось, потом всё же вернула себе привычное чопорное спокойствие, взяла со стола какую-то бумагу и отчеканила холодно и сухо:

– Вот... Получила сегодня. Указ №13 Его Величества Виллмельгера Лоу III... Повелеваю всем девицам, проживающим в сиротских домах и уже достигшим совершеннолетия, явиться в Большой порт Лардлоу не позднее трёх с дней с подписания указа, откуда на предоставленных судах они будут направлены на проживание в новые владения королевства в землях Аттрики...

Милли Агнес говорила что-то ещё, но Энни уже не слушала. В голове звенело тоненько и противно – должно быть, это крошились, сталкиваясь друг с другом, осколки её разбивших надежд и рухнувшей в одночасье жизни.

Глава 2

Первой мыслью, которая пришла Энни в то судьбоносное утро, едва она вышла от милли Агнес, была мысль о побеге.

Бежать ей, правда, было особо некуда. Конечно, родной Лардлоу не пугал так, как далёкая неизвестная Аттрика, но всё-таки и здесь выжить без денег, рекомендаций и крыши над головой, юной девице было почти невозможно. Рассчитывать на чью-то помощь тоже не приходилось. О своей родине Энни ничего не знала, подруги у неё оставались лишь в стенах приюта. Словом, мысль о побеге вряд ли можно было назвать разумной. Но страх перед неизвестностью порой толкал людей на довольно странные поступки.

А о месте, в которое Энни предстояло отправиться, она знала ничтожно мало, да и то, что знала, было точно не в пользу Аттрики.

Собирая свои более чем скромные пожитки, Энни пыталась припомнить всё, что слышала об этом суровом крае. И выходило так, что ничего хорошего отыскать в памяти не получалось.

Аттрику открыли лет десять назад. Воспитанницам милли Агнес это было мало интересно – где девочки-сиротки, и где та Аттрика, это ж край света. Но какие-то слухи об этом событии просачивались и в стены приюта. А поскольку Энни всегда была прилежной ученицей, а в скором времени на-

деялась стать и учительницей, она старалась интересоваться всем, что могло ей пригодиться, в том числе и географией, и новыми открытиями.

Однако всё, что было известно о далёком материке укладывалось в несколько пугающих строк: опасный, суровый, малоосвоенный край, занятый по большей части девственными лесами, в которых обитают свирепые хищники и не менее свирепые племена дикарей. А ещё пострашнее этих самых зверей и дикарей были поселенцы, которые эти самые новые владения короля обживали, ведь туда уезжали те, кому не нашлось места на родине.

Да, у Аттрики имелись и свои достоинства: климат там был хорош для земледелия и скотоводства, а земли куда жирнее, плодороднее и обширнее, чем в Лардлоу...

Но как же нужно отчаяться, чтобы добровольно отправиться на край света?

Главной достопримечательностью Аттрики стали плантации *аттарикса* – очень ценного и дорогого растения.

Плоды аттарикса, напоминающие по виду жёлуди или орешки, обладали удивительными целебными свойствами, непревзойдённым вкусом, а также использовались в виде ароматной специи. В Лардлоу без них не мыслили жизни, а стоило это драгоценное лакомство страшно дорого, ведь везли аттарикс с Южных Рубиновых островов. Редкий кустарник произрастал только там, да и то лишь в нескольких долинах.

Путь к нему был долгим и опасным. Море у Южных островов в любое время года было мало пригодно для хождения судов – шторма, рифы, подводные течения. Многие корабли, отправившиеся за бесценным грузом, не возвращались из трудного плавания.

Вот с этого проклятого аттарикса всё и началось...

Король Виллмельгер III снарядил несколько кораблей и отправил их искать новые, более безопасные пути к заветным Рубиновым островам. А те, вместо этого, нашли не новый путь, а новый материк. На котором – о, чудо! – обнаружили целые заросли дикого аттарикса.

Собственно, своим названием Аттрика была обязана как раз этим буйным порослям.

Условия на новом материке прекрасно подходили для ценного кустарника. Завезённые туда саженцы с Южных островов давали куда лучший урожай, а скрещиваясь с дикими местными сортами, и вовсе поражали изобилием и размером плодов.

Король, разумеется, не смог отказаться от такой золотой жилы. Но на освоение новых владений требовались не только деньги, но, самое главное, люди.

Первым, как обычно, досталось военным. Именно их отправили завоёвывать дикий необжитый край. Почти три года ушло на то, чтобы выстроить несколько укреплённых фортов-городов по побережью. Войскам короля приходилось возводить их буквально из ничего.

Нет, древесины и камней в Аттрике хватало с лихвой, но требовалось расчистить земли, сложить дома, выстроить защитные стены, при этом отражая набеги тех племен, которые уже жили в этих лесах, попутно защищаясь от опасных хищников.

Но с этим постепенно справились. Города построили, враждебных соседей заставили уйти подальше вглубь материка, непуганых зверей научили бояться людей с ружьями. Однако, чтобы обрабатывать землю и выращивать всё тот же драгоценный аттарикс, требовались ещё поселенцы.

Те, кто и так имел всё необходимое в Лардлоу и наслаждался жизнью, ехать в пугающую неизвестность, разумеется, не хотели. Даже обещанные королём в дар земельные наделы мало кого соблазняли.

Находились, конечно, желающие. Люди с самого *дна*. Те, кто ничего не имел, понимал, что на собственную землю и дом им никогда в жизни не заработать, что иначе из нищеты не выбраться. Вот они и уезжали в надежде на лучшую судьбу. И возможно, действительно её там находили. Если, конечно, выживали в беспощадной суровой Аттрике.

Но таковых, отчаянных и смелых, было мало.

Тогда его величество Виллмельгер поступил примерно так, как и сейчас с сиротками и уличными девицами – просто избавился от всего, что ему в Лоу мешало, и так добился своей цели.

Сперва с улиц городов вдруг исчезли бродяги и нищие.

Потом поубавилось заключённых в тюрьмах и на каторге.

Разумеется, никто не отправлял в Аттрику самых опасных преступников – жестоких убийц или тех, кто совершил злодеяния против короля: заговорщиков, бунтовщиков, изменников. Король, должно быть, опасался, что последние могут и вдали от Лардлоу начать смуту. А выпускать на волю убийц было крайне опасно.

Но за мелкие проступки – вроде, воровства, драк, мошенничества – узники тюрем легко получили прощение, а вместе с ним и место на корабле, увозящем в один конец.

Так и вышло, что обживатьсь на новом материке отправился весь сброд Лардлоу: нищие, отчаявшиеся, давно потерявшие совесть, но не лишившиеся авантюрной жилки. По большому счёту их судьбой король распорядился точно так же, как сейчас распорядился судьбой самой Энни – выслал прочь из королевства, не оставляя никакого выбора и не спрашивая о её желании.

И вот эта мысль, что жить отныне предстояло среди преступников и отщепенцев, пугала Энни сильнее, чем грозящее ей длительное путешествие по морю, разные там дикие звери и прочие испытания.

Будь у неё чуть больше времени, возможно, она и в самом деле рискнула бы сбежать. Но сделать это ей просто не дали.

Едва Энни Уайт собрала вещи, как выяснилось, что за ней уже явились.

Да, его величество позаботился даже об этом. За *неве-*

стами к приюту прислали специальную карету... В которой обычно перевозили заключённых и арестантов.

Узрев это мрачное громоздкое *чудовище*, Энни окончательно убедилась в том, что ничего хорошего можно больше не ждать.

В их приюте она оказалась единственной совершеннолетней, но по пути в порт карета заезжала в ещё несколько сиротских домов, так что в итоге девиц набралось почти два десятка. А такая карета ведь была не одна...

В итоге через два дня на судне «Король Виллмельгер» оказалось около трёх сотен молодых женщин. Все они плохо представляли, куда и зачем их везут. Кто-то отчаянно рыдал, кто-то храбрился.

Энни же, стараясь отогнать мрачные мысли, вспоминала свои последние минуты в приюте. Проводить её вышли все наставницы и все воспитанницы. Кто-то смотрел холодно и безразлично, но больше было взглядов грустных, сочувствующих, горьких.

За столько лет она привыкла к этим женщинам, они привыкли к ней, и расставание больно отзывалось в сердце.

Но лишь одна из всех, милли Ирен, осмелилась обнять Энни напоследок. Наверное, потому что была самой юной из всех наставниц, и её сердце ещё не успело очерстветь.

– Береги себя, Крошка Энни! – с печальной улыбкой шепнула она. – Надеюсь, ты найдёшь там своё счастье!

– Непременно! – легко пообещала Энни, обнимая настав-

ницу в ответ.

Ведь тогда она ещё не представляла, что ждёт её впереди.

Глава 3

Днём раньше...

– Ой, точно тонем! Энни, что делать? Тонем!

Эмма до боли вцепилась в её руку. Побледневшая, перепуганная, глаза огромные. Энни чувствовала, как подругу лихорадило. Или это дрожь судна отзывалась в ней?

А ещё она смотрела на Энни так, будто та была капитаном этого корабля или благим духом, способным спасти всех разом. Обычно Эмма глядела чуть снисходительно, пыталась верховодить, на правах старшей и более опытной, но сейчас, казалось, она была готова кинуться к Энни, как цыплёнок под крыло наседки.

Однако Анна точно также не представляла, что творилось с кораблём. Зато она понимала, что страх не лучший советчик, и нужно держать себя в руках, а не поддаваться панике.

– Не говори глупости! – одёрнула она Эмму, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. И ещё громче и смелее заявила: – Если бы мы тонули, сюда уже хлынула бы вода. А в трюме сухо. Значит, никаких рифов и пробоин нет. Ну, кто-нибудь видит воду? Или слышит, как она заливается внутрь?

Женщины рядом, прислушавшись к её словам, принялись оглядываться, всё ещё с опаской, но уже без прежнего ужаса.

– Верно Крошка говорит! – поддержала Энни громогласная и бойкая пышка Люси. Она даже поднялась на нижнюю

ступеньку лестницы, чтобы её было лучше видно. — Чего раскудахтались? Воды нет — знать, никто не тонет. И нечего блажить! Сейчас узнаю, что там стряслось... Ждите!

Подобрав юбку, Люси принялась карабкаться вверх. Ей это было позволительно.

За время плавания некоторые из здешних узниц трюма получили особые привилегии на корабле, в числе них была и эта пышнотелая жизнерадостная милли. Им позволялось выходить на палубу, когда вздумается, а порой они и вовсе ночевать сюда не возвращались. И кормили этих бойких девиц куда лучше остальных. Порой матросы даже приносили им какие-то особые вкусности, а женщины отвечали на такие подарки нескромными улыбками и весёлым смехом.

Энни поглядывала на это без осуждения, но настороженно. Конечно, она догадывалась, как именно эти девицы заслужили себе поблажки. Сама юная милли Уайт, выросшая в приюте, была далека от той стороны жизни, о которой неприято говорить в приличном обществе. Но всё же и она отчасти представляла, что происходило между мужчиной и женщиной, когда те оставались наедине.

И первое время она откровенно боялась, что кто-нибудь из команды от неё тоже потребует таких непотребств. Однако худшие ожидания, к счастью, не подтвердились. Вопреки её страхам команда «Виллмельгера» не позволяла себе ничего лишнего по отношению к запертым в трюме женщинам. Если, конечно, те сами ни пытались с ними кокетничать

– тогда уж мужчины не терялись.

Когда наступала очередь Энни подниматься на палубу для прогулки, она частенько ловила на себе и остальных девицах заинтересованные взгляды матросов, кто-то из них порой мог позволить себе пошловатые шутки, но распускать руки никто не смел.

То ли за порядком строго следил капитан, то ли этим мужчинам вполне хватало внимания тех милли, которые сами были не прочь одарить ласками одиноких моряков. Но, так или иначе, то, чего Энни так боялась, пока обходило её стороной.

Вот только... надолго ли?

Всё от той же Эммы, которая не стеснялась задавать вопросы и бывшим товаркам, и команде корабля, Энни узнала, что везут их в Аттрику не просто так, а в качестве будущих жён для местных поселенцев.

С женщинами там, на краю света, было сложно. Немного нашлось тех, кто отважился уплыть вместе со своими мужьями или женихами. Вот колонисты, обосновавшись на новом месте, и стали требовать у наместников Аттрики обеспечить их законными супругами из Старого Лоу.

Ну а дальше... дальше король издал свой проклятый Указ №13, и Энни оказалась на этом корабле.

Как выяснила Эмма, они были не первыми женщинами, которых уже доставили в Аттрику. Этот рейс «Виллмельгера» был уже третьим, а ведь, возможно, были и другие ко-

рабли. Просто до девиц-сирот дело дошло только сейчас.

А ещё выяснилось, что браки в этом диком краю заключались довольно странным способом. Наместник города-порта, куда прибывали невесты, устраивал аукцион, на котором пары соединялись по воле случая и благих духов.

– На самом деле, на аукцион это не больно и похоже, – шёпотом рассказывала Эмма то, что ей поведал помощник капитана, который уже дважды видел такие торги. – Я однажды на настоящем аукционе была. Там богачи собираются, и всякие ценные вещи продают. И забирает их тот, у кого денег больше всех. А тут с каждого равный взнос берут. Ну... с женихов, значит. С нас-то, понятно, брать нечего. А потом всем таблички раздают с номерами. И мужикам, и нам, значит. И судья тянет жребий...

– Судья? Какой судья? Зачем там судья? – Энни понимала, что не о том спрашивала. Но надо было сказать хоть что-то, лишь бы не думать о главном.

– Так у них там в Новом Лоу всем наместник и судья управляют. Они в городе самые главные. Все вопросы решают. Ну и ещё заклинатель духов есть. Старый, сморщенный, говорят. Но тот так... больше обряды проводит, в житейские дела не встревает. Так вот... Жребий всё и решает. Какой номер вытянут, такой и муж тебе достанется...

– Как же так? – обескураженно выдала на это Энни. – Мы, что же, даже не увидим этих мужчин заранее? И они... они с нами даже не познакомятся...

Энни не очень-то удивилась тому, что никто не будет спрашивать мнения женщин. После того как их выслали из королевства, будто безропотный скот, глупо было надеяться, что кого-то волнуют желания невест. Но то, что и мужчинам не дадут никакого выбора, поразило очень сильно.

– Потом познакомитесь – дома, в койке, – хохотнула Эмма. – Джей сказал, что когда первых невест привезли, было всё по-другому, по-людски. Ну, собрали их всех вместе, хотели, значит, чтобы полюбовно все выбирали, кто кому глянется. А там такое началось. Ну, ладных да красивых девок, понятно, сразу все захотели, а кривых до страшных сперва не разбирали. Мужики меж с собой сцепились, выяснять начали, кто сильнее, кто больше прав имеет. Драка завязалась, поножовщина. Девочек этих бедных едва на части не разорвали, пока делили. Пришлось солдатам эту свору растаскивать, – болтала без умолку Эмма. – Вот с того самого раза наместники и придумали этот аукцион невест. Мол, всё по справедливости. Платишь взнос, записывают тебя в очередь, и ждёшь, когда жён привезут. А там уж всё случай решает. Если совсем тебе невеста не по нраву, можно отказаться. Но снова счастье попытать, только через три года выйдет...

Слушая эти рассказы, Энни только головой качала. Она частенько думала о тех несчастных, которых увезли на край света прежде них.

Как они там обжились? Чего натерпелись? Довольны ли тем выбором, что подбросила им судьба? Часто ли мечтают

о том, чтобы вернуться в Старый Лоу?

Или Аттрика всё-таки стала для них новым домом...

Судно снова дёрнулось, будто ударилось о стену, качнулось так сильно, что пришлось вцепиться в Эмму, чтобы не улететь прочь.

Пышка Люси, почти добравшаяся до люка, с громким вскриком скатилась по лестнице обратно. Успела, правда, зацепиться, а потому не расшиблась, но наверняка насобираала шишек и синяков.

Внезапно стало тихо. Все замерли, почти не дыша.

И тут на лестнице появился тот самый Джей, помощник капитана.

– Ну что, милли, – широко улыбнулся он, – вот и добрались... Поздравляю! Добро пожаловать в Аттрику! Берите свои вещи и поднимайтесь по одной, только спокойно, не толкайтесь! Все сойти успеют, никого на корабле не оставим...

Глава 4

Днём раньше...

Энни любила повторять себе, что унывать нельзя, нужно надеяться, верить, что всё плохое пройдет, и тогда непременно наступит новый лучший день.

Вот нынче и нашлось ещё одно тому подтверждение. Все перепугались, а повода для паники не было. Они вовсе не пошли ко дну, а добрались до цели пути, благополучно пришвартовались и наконец-то смогли покинуть надоевшее всем судно. Впереди, конечно, поджидала пугающая неизвестность, но хотя бы часть испытания, выпавшего на долю несчастных *невест*, осталась позади.

После привычного сумрака трюма яркое летнее солнце слепило глаза так, что выступали слёзы. Отвыкшие от твёрдой земли ноги едва держали. Спускаясь по шаткому, узкому трапу, Энни отчаянно боялась свалиться в воду, цеплялась за канат, служивший перилами, не рискуя отвлечься хоть на миг. Благо, матросы «Виллмельгера» помогали, поддерживали, не давали упасть даже самым неловким.

Лишь оказавшись на берегу, Энни подняла наконец-то глаза и... обомлела. Голова закружилась от восторга, мир вокруг завертелся, пришлось даже зажмуриться.

Но когда Энни вновь решилась открыть глаза, сказка никуда не исчезла.

По одну сторону до самого горизонта раскинулось бирюзовое море. С грохотом оно обрушивалось на изрезанные волнами светлые скалы, пенилось, танцевало, ярилось, сверкало на солнце. Небо над головой казалось огромным зеркалом, в котором отражались эти величественные воды – таким ярким, ослепительно синим, бездонным оно было.

А по другую руку от Энни распростёрлась сочная-зелёная равнина. Слева на её границе, словно грозные стражи, вздымались к небу хмурые тёмные ели, а у их корней кто-то (верно, сами благие духи) расстелил ковёр нежно-голубых цветов. С правой же стороны холм был усыпан буйными лилово-розовыми зарослями.

Ещё дальше, за лесом, сверкала белоснежными шапками угольно-чёрная стена горного хребта. Глядя на такие исполинские кручи, Энни чувствовала себя не просто маленькой, а крохотной песчинкой.

Чуть ближе всех этих величественных красот, на самом берегу, прячась за крепкими каменными стенами, ждал форт Новый Лоу. Совсем небольшой, по сравнению со Старым Лоу, городок, однако, здесь нашлось место даже для зданий в два-три этажа. Издали всё казалось новым, надёжным, сделанным на совесть.

Да, крепость впечатляла. Но сильно уступала всему тому, что раскинулось вокруг неё.

Жуткая суровая Аттрика оказалась непостижимо прекрасна. И это поразило в самое сердце.

Энни, конечно, знала, что ничего хорошего её впереди не ждёт, но за один короткий миг она успела влюбиться в этот новый мир и даже поверить в то, что он может стать её *домом*.

Стоя на высоком каменистом берегу, выдыхая солёный воздух, горячий и пряный, подставив лицо свежему ветру, Энни на миг ощутила себя абсолютно свободной и счастливой. В её положении, конечно, мысли о свободе и счастье казались абсурдными, но после целого месяца заточения в тёмном тесном трюме, душа воспарила куда-то в недоступную синь небес, рванула над пустошью, заросшей лиловыми цветами, прямо к далёким неприступным вершинам.

Впрочем, её тут спустили с заоблачных высот обратно на землю.

– Милли, не задерживайте всех! Проходите к остальным!

Энни растерянно похлопала глазами и бросилась догонять своих товарок.

Женщины, уже спустившиеся с корабля, собирались вместе чуть в стороне, на небольшой каменистой площадке. Вокруг них кольцом выстроились королевские солдаты. Энни узнала военных по приметной чёрной форме.

Они стояли в нескольких шагах от прибывших невест, будто каменные истуканы. Старались держать лицо, и у многих даже получалось. Лишь голодные взгляды выдавали интерес.

Судя по всему, вояк отправили сюда с целью встретить и

проводить женщин в город, так как тёмные фигуры растянулись вдоль дороги до самых стен форта.

Любопытно, их послали, чтобы не дать будущим жёнам колонистов разбежаться, или же наоборот, чтобы оградить девиц от самых нетерпеливых женихов?

Поджидая, пока с корабля сойдут все её попутчицы, Энни ещё некоторое время любовалась окрестностями и грелась в золотых лучах солнца. Впрочем, довольно быстро стало жарко.

А ещё Энни пожалела, что у неё нет шляпки, как у Эммы. Подруга мигом спряталась под широкие поля изящного головного убора и теперь беспрепятственно глазела по сторонам, не щурясь от слепящего света.

Наконец, все собрались, и разномастная процессия неторопливо двинулась к городу. Быстро идти женщины не могли при всём желании. После долгого путешествия на судне ноги плохо слушались, и не покидало ощущение, что качка всё ещё продолжалась.

Солдаты безмолвно шествовали по обе стороны дороги, не оставляя шанса ускользнуть от их бдительных глаз. Да, собственно, желания бежать ни у кого наверняка и не возникало.

Куда и зачем? Мир за пределами каменного форта казался совершенно диким и безлюдным.

Уже у самых ворот их встретил высокий худощавый мужчина в добротном тёмном сюртуке и широкополой светлой

шляпе. Рядом с ним стояло ещё несколько человек, но этот строгий и солидный, как-то сразу выделялся из прочих.

– Добро пожаловать в Новый Лоу, милли! – громко поздоровался он. – Я, гранд-мастер Джей Гарнет, наместник этого форта и закреплённых за ним земель. От лица всех наших жителей приветствую вас. Мы с нетерпением ждали вашего прибытия. Завтра состоится аукцион невест, на котором каждая из вас по воле благих духов обретёт супруга. Затем наш заклинатель духов, мастер Зулиус, проведёт общую церемонию благословения, после чего вы сможете покинуть форт и отправиться с мужьями в ваши новые дома. А пока вас разместят в казарме, где вы сможете отдохнуть с дороги.

Наместник умолк на несколько мгновений, и повисла неуютная тишина. Никто не сказал ему в ответ что-то приветственное или благодарственное. Женщины смотрели на этого сурового мужчину настороженно и устало, впрочем, как и он на них.

Вздыхнув, Джей Гарнет продолжил, и голос его зазвучал ещё чуть холоднее и строже:

– И ещё одно... Уважаемые милли, хочу сразу предостеречь вас от неразумных поступков, которые могут дорого всем нам стоить... Не пытайтесь покинуть казармы и уж тем более не пытайтесь выйти за стены форта! Побег станет для вас не спасением, а смертью. Жизнь здесь у нас не так проста, опасности подстерегают повсюду, и пока вы не знакомы с большинством из них, оставаться без присмотра и разгули-

вать в одиночестве настоятельно не советую. И всё-таки... я надеюсь, со временем Аттрика станет для вас домом, и вы сможете полюбить этот край.

На этом закончилась приветственная речь гранд-мастера Гарнета. И они, всё так же молча, двинулись дальше.

Идти пришлось недолго, но за время пути Энни успела понять, зачем к ним приставили охрану. Встречные жители форта вели себя пугающе: что-то кричали, улюлюкали, норовили забраться повыше, чтобы разглядеть процессию. Если бы не строй солдат в чёрных одеждах, что прикрывали невест собой, неизвестно, чем бы это закончилось.

Энни всё отчётливее понимала, что слова наместника были не пустой попыткой оградить себя от лишних хлопот, он, действительно, пытался их предостеречь от беды.

Женщин привели на довольно широкий двор военной казармы. Поселили в большую, почти пустую комнату в отдельно стоящем доме. Собственно, помещение напомнило всё тот же трюм, разве что оказалось немного светлее.

Спать и сидеть вновь пришлось на тоненьких тюфяках, которые им заблаговременно расстелили на полу. Солдаты притащили несколько вёдер воды на всех, но этого хватило лишь на то, чтобы ополоснуть руки и лицо. О том, чтобы наконец отмыться, как следует, пока не шло и речи.

Зато накормили чуть позже щедро, прямо по-королевски. Мясо и какие-то незнакомые овощи – желтоватые, рассыпчатые, запечённые на огне, свежий хлеб, рыбная похлёбка и

сладкие сиреневые ягоды. Энни казалось, что она никогда в жизни не ела подобных вкусностей.

После такого пиршества даже думать о плохом как-то расхотелось. Потянуло в сон.

Энни ещё немного посудачила с Эммой и другими девочками, гадая, что же их ждёт завтра, но, в конце концов, решила положиться на судьбу и довериться благим духам.

Глаза закрылись сами собой, и она погрузилась в спасительную дрему.

А наутро случился тот самый аукцион.

Глава 5

На следующий день, ещё до полудня, их всех построили во дворе казармы, словно солдат. Вскоре появился сам наместник Гарнет. Сопровождал его забавный лысоватый старичок с пушистыми усами. Девицы, глядя на него, тайком хихикали. Но вскоре выяснилось, что смешной обладатель лысой макушки – это судья Руперт Харрис, по сути, второй человек в форте после наместника.

Насколько Энни понимала, здесь, в Новом Лоу, эти люди обладали гораздо большей властью и полномочиями, чем, к примеру, обычный судья, занимающийся лишь судебными тяжбами, или обычный управитель города. Эти двое решали все самые важные жизненные вопросы.

И всё же Анна удивилась тому, что они лично взялись проводить аукцион. Гранд-мастер Джей Гарнет даже не пользовался услугами секретаря – сам вносил все записи в свою тетрадь. А мастер Харрис собственноручно раздавал женщинам небольшие дощечки с номерами для участия в аукционе. Она не представляла, чтобы какой-нибудь важный вельможа в Лардлоу занимался бы такими вещами, но, наверное, здесь ко всему относились проще.

Наконец приготовления были закончены, и невест, вновь под охраной солдат, повели в центр форта на площадь. Здесь уже соорудили высокий деревянный помост, у подножия ко-

торого собралось целое море людей. Причём женщин в толпе не наблюдалось.

Невест на «Виллмельгере» прибыло почти две с половиной сотни, и на помост они поднимались не все сразу, а по две-три дюжины. Остальные поджидали в стороне, надёжно охраняемые военными. Отсюда было плохо видно и слышно, что происходило там наверху.

Когда до Энни наконец дошла очередь, она на дрожащих ногах поднялась на помост и поняла, что всё уже пережитое – страшное известие об уготованной ей участи, месяц в трюме корабля, пугающая неизвестность новых суровых земель – всё это было сущим пустяком.

А вот сейчас ей стало по-настоящему страшно.

Столпившиеся у помоста людское море шумело, бушевало и ярилось, как то самое, настоящее, которым Энни любовалась вчера. На площади собрались не только счастливчики, которым сегодня предстояло обзавестись женами, судя по количеству любопытствующих. Поглазеть на редкое зрелище – аукцион невест, похоже, съехалась все жители Атрики. На самом деле, сколько тут проживало, Энни не знала, но у неё рябило в глазах от множества чужих лиц, а гул голосов сливался в один монотонный шум.

И где-то там, в этой толпе, стоял тот, кому в скором времени она станет принадлежать безраздельно. Вот это и страшило больше всего.

Кем окажется этот человек? Чего ей ждать от него? Что

если они не смогут привыкнуть друг к другу?

Полбеда, если он окажется не слишком приятным внешне или солидного возраста, гораздо хуже, если Энни достанется муж жестокий, высокомерный или пьяница.

Энни свободы никогда особо не видела. В приюте действовали строгие правила, за любое неподчинение сурово наказывали. И всё-таки там было иначе.

А сейчас... как же страшно было оказаться в полной зависимости от неизвестно кого!

Тем временем судья Харрис называл имена, вытаскивал из небольшой бочки дощечки с номерами. Мужчины из толпы внизу поднимались на помост и уводили своих избранниц в сторону.

Энни, едва дыша, ждала, когда очередь дойдёт до неё. Так уж вышло, что она попала почти в самый конец списка.

Вот уже и Эмма дождалась своего жребия. За ней явился высоченный детина, чуть неуклюжий, огромный, как медведь. Такого впору было испугаться.

Однако они с Эммой, кажется, остались вполне довольны друг другом – верзила смотрел на невесту с неподдельным восторгом, при этом улыбался счастливо, немного глуповато, но по-доброму, а та, вздёрнув хорошенький носик, тут же с гордостью вцепилась в его огромную ручищу.

Что ж, хоть кому-то повезло.

Энни от всей души желала Эмме счастья. Ей хотелось верить, что её случайная подруга только что обрела и дом, и

настоящую семью, и надёжного защитника в лице этого чуть нескладного великана.

– Лот 239, Анна Уайт из Розенторна...

Энни вздрогнула, осознав, что настал её черед.

А дальше всё ещё больше стало похоже на пытку. Палящее солнце, от которого темнело в глазах и звенело в ушах. Гадкие шутки, насмешки над её маленьким ростом и хрупким сложением. Затянувшееся ожидание того самого... мастера Уайза. Пугающий до дрожи черноглазый Даки.

К тому времени, как её только что избранный духами жёних поднялся на нижнюю ступеньку лестницы, Энни была уверена, что ещё мгновение, и она просто лишится сознания от волнения, жары и избытка чувств. Вот-вот рухнет прямо здесь, у всех на виду, подкинув очередной повод для сальных шуток и насмешек.

Но тут *он* посмотрел на неё...

Из-под широких полей шляпы вдруг полыхнуло нестерпимо синим, теплым и ярким, как летнее безоблачное небо. И этот небесный взгляд как будто поддержал её незримо, подхватил, как порыв ветра, не дал упасть.

Да, именно его глаза мгновенно притянули взгляд Энни. Всё остальное она разглядела позже. Такие яркие, они прямо-таки светились на фоне смуглой загорелой кожи и тёмной щетины, покрывавшей значительную часть его лица. Бородой эти неопрятные заросли, конечно, назвать было нельзя, но из-за них сложно было определить возраст мастера Уайза.

На старика он всё же никак не тянул. Слишком бодро и ловко поднимался по крутым ступеням. Да и поджарое, сильное тело явно намекало, что он молод, а ещё, очевидно, привык работать руками. Ростом Джонатана благие духи не обделили, как и шириной плеч.

Сейчас, когда он оказался на помосте, и Энни больше не смотрела на него сверху вниз, она поняла, что едва ли дотянет новоиспечённому мужу макушкой до плеча.

Собственно, быть всегда самой мелкой из всех Крошка Энни давно привыкла. Но одно дело ровесницы или наставницы в приюте, а другое незнакомый мужчина.

Она внезапно оробела и сжалась, когда он подал ей руку. Растерялась окончательно.

Но тот отступить не собирался, настойчиво протягивал широкую ладонь.

Энни на миг подняла глаза, и снова будто заглянула в безоблачное небо. Напряжение, повисшее между ними, никуда не исчезло, но страх отступил. И она, наконец, решилась взять его за руку.

Широкая ладонь, на первый взгляд, крепкая и жёсткая, стиснула её пальцы на удивление осторожно, словно боялась навредить, невольно сделать больно. Энни ощутила, какая она горячая, чуть шершавая, с бугорками мозолей.

Это было так непривычно и странно – касаться мужчины. Но страх отчего-то прошёл, будто его и не было.

– Идём! – негромко позвал Джонатан Уайз и едва ощути-

мо потянул её за собой.

Он сказал только это. Не улыбнулся, не осыпал её лестными словами, как делали другие *женихи*, не кинулся целовать нетерпеливо.

Но Энни, удивляясь самой себе, тотчас доверчиво пошла за ним. Толпа оживилась, провожая их пошловатыми шутками, но Энни больше не слушала, что летело им вслед.

Глава 6

Джонатан Уайз молчал. И Энни молчала тоже. Не знала, что сказать или спросить, не находила слов, робела. Эта тишина, повисшая между ними, тяготила.

Энни не понимала, что творилось в голове у этого мужчины. С одной стороны, не чувствовала рядом с ним никакой угрозы, он не пугал, как тот же Даки Эймс с его пошлыми намёками и липким голодным взглядом. С другой стороны, было что-то ещё, что висело между ними, что Энни чувствовала, но не могла объяснить.

Счастливым и довольным Джонатан не выглядел. И ведь была же какая-то причина, по которой он так долго раздумывал выходить ли за ней на помост. Энни чудилась в его молчании какая-то угрюмость и даже, пожалуй, недовольство. Но спросить о причинах она не решалась.

Вдруг мастер Уайз скажет, что ему совсем не по нраву такая невеста, что всё это время он смотрел на другую девушку, а её забрал только от безысходности, чтобы не остаться вообще ни с чем.

Когда он поднялся на помост, когда взял её за руку, когда она увидела его тёплый взгляд, её как будто отпустило, мигом улеглись в душе все прежние волнения и страхи.

Но сейчас она не видела его небесные глаза, и снова накатывало: тревога и сомнения оплетали душу. Ей так нужно

было опять хоть на миг окунуться в умиротворяющую синеву его глаз, ощутить это мягкое тепло.

Но Энни не осмеливалась поднять голову, лишь искоса поглядывала на жениха. А с её ростом могла видеть только его мерно вздымавшуюся грудь, крохотную дырочку на рукаве светлой рубахи, добротный кожаный пояс да запылённые сапоги.

А ещё загорелое сильное предплечье с выступающими темными венками, небольшой белёсый шрам на тыльной стороне ладони.

Он по-прежнему держал её за руку. Молчал, не смотрел на неё – по крайней мере, Энни не чувствовала взгляд, но руку не отпускал. И это хоть немного успокаивало.

Спустившись с помоста, они отошли в сторону, где дожидались окончания аукциона все прочие. Благо, ждать оставалось недолго. Предстояло определить лишь несколько пар.

Вокруг приглушённо шептались, время от времени раздавались смешки и смущённые возгласы. Новоявленным мужьям не терпелось скорее увести своих избранниц с площади. Многие не стеснялись уже здесь, при всех, вести себя до неприличного вольно.

Ей самой в такой толпе даже говорить было неловко. Возможно, и её муж считал, что всему своё время, и у них ещё будет время познакомиться поближе. Энни не очень-то понимала, стоило ли ей радоваться, что муж не пытался тискать её у всех на виду, как делали многие, или уже настора-

живаться...

В конце концов, она решила всё же порадоваться. Джона-тан Уайз изначально показался ей довольно приятным мужчиной, но пока что Энни смущало даже то, что они стояли так близко. Его горячая ладонь, обхватившая её пальцы, вызывала мурашки по всему телу.

А уж от мысли, что вскоре он может начать её трогать вот так, совсем нескромно, или даже целовать... От этой мысли накатывала противная слабость, и Энни всерьёз боялась, что всё-таки рухнет прямо здесь в обморок.

Наконец последняя невеста нашла своего жениха.

Наместник Гарнет поздравил всех новобрачных, а прочим зевакам пообещал, что следующий аукцион состоится через месяц.

После этого на помост поднялся тщедушный старичок в белых одеждах священнослужителя. Должно быть, это и был тот самый заклинатель духов Зулиус, о котором говорил гранд-мастер Гарнет. Он прочитал напутственную речь, затем традиционное воззвание к благим духам, а после ещё что-то незнакомое. Очевидно, это и был ритуал, скрепляющий брак, только проводил он его не над каждой парой, а над всеми сразу. В Лардлоу Энни не доводилось бывать на свадьбах, но на корабле она наслушалась разного, в том числе и о том, как проводят такие обряды.

Сейчас Анне, конечно, любопытно было смотреть на всё это, но от волнения смысл речей заклинателя Зулиуса

ускользал, в памяти почти ничего не оставалось. Да и сам факт того, что это её собственная свадьба, никак не желал уместиться в голове.

Свою непродолжительную речь мастер Зулиус завершил тем, что все пары, избранные сегодня, сложились так не случайно, а по воле благих духов, а значит, отныне все они по-настоящему стали мужем и женой и должны чтить этот священный союз.

На этом всё и закончилось.

Так неистово шумевшая во время аукциона толпа притихла, уgomонилась и быстро растекалась с площади.

– Идём! – снова потянул за собой мастер Уайз. – Нам туда.

Энни двинулась за ним, не отпуская руку, позволяя прокладывать путь, обгонять других прохожих, направлять её. Теперь она могла разглядывать мужа со спины. Спина, к слову, была хороша – широкая, статная. Но Энни снова было жаль, что она не видит его лицо, глаза, не может считать мысли и чувства этого пока ещё чужого мужчины.

Вскоре они покинули площадь, свернув на узкую, но довольно чистую улицу.

Энни закрутила головой по сторонам – всё же любопытство брало своё. Дома здесь были в основном в два этажа, а иногда и больше. На первом располагались всевозможные лавки и питейные заведения, а вторые больше походили на жилые. Скорее всего, хозяева где обитали, там и работали.

Энни снова покосилась на своего спутника – интересно,

какой дом у мастера Уайза, чем он занимается?

Расспрашивать до сих пор так и не отважилась. Ждала, что расскажет сам.

Да и неловко было говорить на ходу. Теперь они шли рядом – ну, почти рядом, ведь Энни едва поспевала за широким шагом мужа, но разговор так и не клеился. Он по-прежнему вёл её за руку, а она не пыталась отнять ладонь.

– Далеко нам ещё, мастер Уайз? – наконец осмелилась прояснить хоть что-то Энни.

– Нет, не очень, за пару часов доберёмся, – всё также хмуро откликнулся мастер Уайз.

Ничего себе! Энни попыталась представить, куда можно добраться за два часа...

Но высказать своё удивление не успела. Они вошли на широкий двор, сплошь заставленный повозками и лошадьми.

– Постой здесь! – велел Джонатан, оставив её у ворот.

Сам же отошёл немного, не теряя её из вида, и вскоре подвёл к Энни лошадку, запряжённую в небольшую повозку. Впереди, на козлах, имелась лавка, обитая мехом. Сам же кузов, вероятно, использовался чаще для перевозки грузов. Там и сейчас лежали какие-то тюки, накрытые пологом.

– Забирайся! – Джонатан указал на сиденье впереди.

Энни честно попыталась дотянуться до единственной ступеньки, уцепиться за что-нибудь, но ничего не вышло. Нога соскользнула, и она, ойкнув, едва не шлёпнулась на мягкое место.

Однако уверенно подхватившие её сильные руки не дали свершиться позорному падению. Над ухом Энни раздался тяжкий вздох, обдав жаром шею и ключицу, заставив сглотнуть ком в горле. Даже сквозь плотную ткань платья она ощутила горячее и твердое мужское тело, к которому невольно прижалась спиной.

А через миг Энни уже оказалась на лавке. Джонатан водрузил её туда так легко, будто она вовсе ничего не весила. Он снова промолчал, не упрекнул за неуклюжесть, но Энни ощутила, как вспыхнули щёки от стыда и неловкости.

Вцепившись в свою сумку, она продолжала краем глаза наблюдать за молчаливым и хмурым мастером Уайзом. Он подошёл к телеге справа, отомкнул замок на ящике, приделанном сбоку, и извлёк оттуда... ружье, патронташ, огромный жуткий нож (в пол-локтя, не меньше) и плоскую фляжку.

Последнюю протянул, не глядя, Энни.

– Пить хочешь?

Она не стала отказываться. Правда, открыть сосуд мешала сумка с её пожитками, которую Анна прижимала к груди левой рукой.

– Вещи можешь туда бросить, – заметив её муки, Джонатан указал кивком назад.

Энни так и сделала. Потом спешно вытащила пробку и с наслаждением припала к горлышку. Вода оказалась довольно прохладной и невероятно вкусной. Наверное, так только

чудилось после нескольких часов, проведённых на знойном пекле, но Энни была готова выпить всё. Однако совесть вовремя напомнила о том, что хорошо бы оставить что-то хозяину фляги. Что она тут же и сделала.

Уайз тоже надолго приложился, а она заворуженно смотрела, как он пил, как вытирал мокрые губы тыльной стороной ладони.

А потом Джонатан одним ловким прыжком взлетел в повозку, устроился рядом на козлах, едва-едва не касаясь её бедра. Развернувшись, устроил ружьё и патроны в телеге сразу за спиной. Ножны с огромным кинжалом уже красовались у него на поясе.

Энни с настороженным любопытством наблюдала за всем этим, но мастер Уайз свои приготовления в путь никак не пояснил.

Лишь взяв в руки вожжи, Джонатан наконец-то посмотрел на Энни. Синие глаза всё так же ярко сияли в тени его широкополой шляпы.

– Значит, Анна, да?

– Угу, – смущённо кивнула она и зачем-то добавила: – Но обычно все зовут Энни. Крошка Энни...

Уайз хмыкнул как-то непонятно.

Потом добавил:

– Ну... а я... Джо.

Он подстегнул лошадку, и повозка качнулась, вынуждая Энни вцепиться в край лавки.

– Держись крепче, Крошка Энни! – тотчас велел Джо. – Дороги тут... страшнее, чем вся моя жизнь. Пожалуй, это худшее, что есть в Аттрике.

Глава 7

– У тебя шляпа есть?

– Что? – растерянно переспросила Энни, отвлекаясь от разглядывания далёкого морского побережья.

По её ощущениям ехали они уже не меньше получаса. Форт давно остался позади. Едва повозка мастера Уайза миновала ворота, как за высокими стенами крепости раскинулись такие впечатляющие просторы, что Энни только и успевала крутить головой во все стороны. Правда, ей приходилось всё время щуриться, ведь здешнее солнце палило немилосердно и безжалостно слепило глаза.

Вблизи всё это: сочное разнотравье, исполинские деревья и величественные горы – казалось ещё более ярким, невероятным, поразительным. В небе над головой парили с протяжными криками какие-то хищные птицы. В лесу, что сначала простирался по правую сторону дороги, звенели, сливаясь в чарующую музыку, трели пернатых.

Потом дорога свернула ближе к морю и шла теперь по самому краю утёса. Слева от них берег обрывался резко, опасно, а где-то там внизу плескалось яростно море. Энни слышала его гулкий рёв и шелест гальки.

Ехать вдоль такого откоса было и рискованно, и восхитительно до мурашек. Особенно учитывая, что дорога, в самом деле, оставляла желать лучшего. Энни приходилось обеими

руками крепко держаться за лавку, иначе её бы запросто могло выбросить из повозки, когда та подпрыгивала на очередном камушке или выбоине.

Джонатан Уайз по-прежнему молчал. Вот Энни и взялась разглядывать окрестности – поняла, что на приятную беседу рассчитывать, видимо, не стоило.

Посмотреть было на что, и Энни порядком увлеклась любованием по сторонам. Но затянувшаяся тишина всё равно не давала ей покоя. Ей ещё многое нужно было узнать. Но дело было не только в этом...

Анну так и подмывало спросить что-нибудь, всё равно что, пусть даже очевидную глупость, лишь бы разговорить этого молчуна, услышать снова его безмятежный, но уверенный голос.

И тут Джонатан Уайз задал этот странный вопрос.

– Шляпа... – усмехнувшись, Джо указал пальцем на свою, словно говорил с малолетним ребёнком, который ещё не знает слов. В приюте были и малыши, так что Энни знала, как с ними обращаться – им часто приходилось всё показывать. – Стоит надеть шляпу. Солнце здесь коварное. А у тебя кожа такая... белая... Веснушки вон...

– Ой, точно! – Энни, забыв о том, что нужно крепко держаться, испуганно прикрыла ладонью нос. – Веснушки же выскочат...

– Да... они как бы... уже – мимолётно улыбнувшись, Джонатан потёр нос, будто у него тоже были веснушки, и он пы-

тался их стереть.

Ох, как же Энни не любила эти крохотные рыжие пятнышки, которые так и норовили испортить её лицо, стоило немного побыть на солнце. И когда только успели, ведь она только вчера выбралась из сумрачного трюма.

– Да, веснушки-то ладно... Пустяки, – продолжал Джонатан, явно не понимая, отчего Анна так всполошилась. – Ты сейчас обгоришь мигом. Такая светлая, к нашему солнцу не привыкла. Лучше бы укрыться. Надень шляпу!

– Нет у меня шляпы, – со вздохом призналась Энни.

Джонатан, кажется, впервые за всё это время в пути, повернулся к ней, а не посмотрел искоса. В синих глазах читалось что-то нечитаемое.

– Вот же... – досадливо бросил он. Энни показалось, что он хотел выдать что-то донельзя неприличное, но в последний миг сдержался и только скрипнул зубами. – Как же ты без шляпы будешь? И я, дурак, не спросил! Надо было сразу в Лоу заехать в лавку, купить.

Он даже оглянулся, будто раздумывая, не вернуться ли назад.

Потом неожиданно приостановил повозку, стянул собственную шляпу, задумчиво оглядел, потёр её изнутри рукавом и... водрузил на голову Энни.

Она от неожиданности даже возразить ничего не успела. Шляпа на Энни болталась и тотчас сползла на нос. Но Джонатан невозмутимо её поправил и немного затянул шнурок,

дабы она не потеряла просторный головной убор. Его шероховатые пальцы коснулись мимолётно её подбородка и шеи. Энни замерла, задержала дыхание, но Джо тотчас убрал руку.

– Так-то лучше... – кивнул сам себе Уайз и снова подстегнул лошадь.

– Благодарю. Но... как же... вы сами? – смущённо пролепетала Анна, наконец очнувшись.

– Я к солнцу привычный, – отмахнулся, не глядя больше на неё, Джонатан.

И снова замолчал надолго.

Энни теперь, когда солнце не било в глаза, могла разглядывать окрестности с ещё большим удовольствием, но взгляд невольно тянулся всё чаще к мужчине, который сидел так близко, что она улавливала его тепло.

Знойного солнца он точно не боялся. Загорелая кожа отливала бронзой, золотые солнечные искры отражались в голубых глазах, но он даже не щурился. Он смотрел прямо перед собой, на дорогу. Губы плотно сжаты. Сосредоточенный, хмурый. За густой щетиной не разобрать, сколько же ему всё-таки лет.

Интересно, как бы выглядел мастер Уайз, если бы сбрил вот это вот всё? Когда он улыбался, казался намного моложе, почти ровесником.

Энни ушла глубоко в свои мысли.

Какой же он всё-таки странный... Вот, вроде, добр к ней,

печётся о её удобстве, а слова ласкового не скажет. И неласкового тоже. Вот же!

В конце концов, Энни не выдержала и первой попыталась завязать разговор.

– А вы всегда такой?

– Какой? – Уайз мгновенно нахмурился, хотя он и до этого не очень-то улыбался.

– Молчаливый, – пожав плечами, осторожно бросила Энни.

– Когда живёшь один, болтать особо не с кем, – пробурчал в ответ Джонатан. – Да и времени на пустые разговоры обычно нет.

– Но теперь-то вы не один, – лучезарно улыбнулась Энни, надеясь всё-таки расшевелить этого буку.

– Теперь не один, – согласно кивнул он и тяжело вздохнул.

Нет, это никуда не годилось! Вздох Джо совсем не понравился Энни. Возможно, она придумывала то, чего нет. Слишком близко к сердцу всё принимала. Но прозвучало это так, будто обществу законной жены мастер Уайз был вовсе не рад. Скорее, терпел её рядом по какой-то причине. И это неведение, непонимание, было хуже пытки.

Энни закусила губу, насупилась и отвернулась. Но надолго её не хватило.

Нужно было всё-таки прояснить, что же не так...

И переступив через собственную гордость, не глядя на своего спутника, она угрюмо спросила:

– Я вам совсем не нравлюсь, мастер Уайз, да?

Глава 8

Энни чувствовала его долгий пристальный взгляд, но сама так и не осмелилась поднять глаза на Джонатана.

– Можно подумать, *я тебе* так уж нравлюсь! – хмыкнув, пробурчал муж, вместо ответа на её вопрос. – Ведь за нас всё решили, нас не спрашивая. Никому здесь нет дела до того, чего тебе хочется, или мне. А вот если бы дали тебе выбор, разве ты пошла бы за меня?

Вот теперь Уайз застал Энни врасплох.

Что ему ответить? То, что ему приятно будет услышать... или признаться честно?

Нет, Энни не могла сказать ничего плохого о своём спутнике. По крайней мере, пока.

Но Джонатан был прав – она не хотела за него замуж. Не потому, что не хотела именно *за него*, она вообще не желала соединять свою судьбу с кем-то из тех, кто стоял сегодня на площади в Новом Лоу. Все эти чужие мужчины были ей одинаково безразличны, а многие ещё и пугали.

До того как её отправили в Аттрику, Энни мечтала, что однажды встретит своего избранника при каких-нибудь необычных обстоятельствах, и они влюбятся друг в друга с первого взгляда и на всю жизнь. И всё непременно будет романтично и красиво, как в тех самых историях, которые тайком давала ей читать милли Ирен. Вот там была настоящая

любовь – жгучая, яркая, неукротимая, как лесной пожар! И героини тех романов нисколько не сомневались, что хотят замуж именно за *этого* героя.

А Энни... Энни даже не знала, что ответить мастеру Уайзу.

В конце концов, она пожала плечами и ответила единственное, что могла сказать честно:

– Думаю, вы хороший человек.

Рискнула всё-таки мельком посмотреть на него, и заметила, как он коротко усмехнулся.

– Надеюсь, так. По крайней мере, стараюсь не делать того, за что потом будет совестно. А что касается твоего вопроса... – Джонатан вздохнул так тяжело, будто собирался отступить от своего принципа и сделать сейчас то, о чём потом пожалеет. – Понимаешь... не в том дело, что не нравишься...

«Значит, всё-таки не нравлюсь», – собственный неутешительный вывод уколол неожиданно больно, словно прямо в сердце вонзилась тонкая острая иголочка. Энни и сама не поняла, отчего так расстроилась. Какое ей дело до того, что думает о ней этот Уайз. Ведь сама же только что призналась себе, что вовсе не мечтала о таком муже.

Но стало вдруг горько и обидно. Она уткнулась взглядом в колени, боясь, что Джо заметит, как заблестели её глаза.

Но когда он продолжил говорить, Энни всё-таки не удержалась и ошеломлённо уставилась на него.

– Ты... славная, Энни, славная... – Джонатан замялся, словно позабыл все слова, и теперь отчаянно их вспоминал, – и... очень красивая. Правда. Прости, я не мастак говорить всякие приятности! И раньше-то не умел, а здесь и вовсе одичал.

Но Анне изысканные комплименты и не требовались. В его смущённой и немного косноязычной речи, она услышала именно то, что хотела. Голос Джо звучал так тепло и трогательно, что Энни теперь уже готова была пустить слезу от умиления.

Но Джонатан ещё не закончил...

– Словом, ты мне очень даже нравишься. Но я не думал, что ты будешь такой... такой... крохой! – Джо произнёс последнее слово с каким-то невообразимым отчаянием и так бурно всплеснул руками, что едва не упустил вожжи. – Нет, ты не думай, я вовсе не считаю твой рост изъяном. Вообще-то, быть такой маленькой, изящной для девицы это даже хорошо... Но не здесь, Энни, не здесь! Таким, как ты, не место в наших диких краях. Ладно ещё в самом форте...

Молчун мастер Уайз наконец-то разговорился и теперь спешил высказать всё, что кипело в его душе. Даже лошадь придержал, остановил повозку, чтобы не отвлекаться на дорогу. При этом вид у него стал такой виноватый, потухший, что впору было пожалеть.

Только жалеть Энни, видимо, стоило не мужа, а себя.

– Понимаешь... у меня же своя ферма... Хорошая ферма,

большая. Скот, огород, плантация аттарикса. Тяжело за всем уследить. На сбор урожая помощников нанимаю в Лоу. Но в остальное время самому всем заниматься приходится. Работы много. Иначе тут не выжить. Будешь лениться – долго не протянешь. Я думал... женюсь, будет хозяйка в доме, помощница. Вместе-то легче всё же. А ты... – Джонатан снова тяжело вздохнул. – Ну какая из тебя помощница, Крошка Энни? Тебя саму, как дитя, опекать надо. Разве тебе место на ферме? Тебя в загон к козам пусти – затопчут, лошадь напоить попроси – ведро не поднимешь... Ох, да что там говорить! Сама всё понимаешь. Ты, поди, живую курицу в глаза не видела. Про огород и плантацию и вовсе молчу... Что тебе в поле делать с такими белыми ручками? Ведь тоненькие, как соломинки. Разве можно такими в земле ковыряться? Тебе бы, по-хорошему, в городе остаться. Но одной там никак нельзя. Ты уже и сама, наверное, поняла, у нас тут на любую незамужнюю сразу желающих много находится. Жизни спокойной не дадут. Я поэтому не сразу вышел... – Джонатан теперь вовсе не смотрел в её сторону. – Ты не обижайся только! Я как лучше хотел. Думал... может, уступить жребий, может, кому-то из форта достанешься. А потом решил, что нельзя судьбу испытывать. Раз благие духи выбрали, значит, так тому и быть. Уж лучше у меня на ферме останешься, чем к кому-нибудь, вроде Даки Эймса, попадёшь. Может, конечно, и напрасно я так рассудил, но вспять уже не повернёшь. Теперь ты моя жена, моя забота. Прав-

да, ума не приложу, что нам с тобой делать, Энни... Как мы дальше жить будем?

Он наконец-то повернулся к ней, в глаза посмотрел, так пристально, будто ждал чего-то. Хмурая складочка пролегла меж бровей.

Но теперь уже Энни не спешила разрушить молчание.

Ох, сколько же противоречивых чувств проснулось в её сердечке, пока Джонатан Уайз говорил. И обидно стало, и горько, и тут же жалость к нему души коснулась, и понимание, что ведь он прав во всём. Так странно...

Выходило, что, и правда, Джо такой невесте был не рад. Даже раздумывал над тем, чтобы от неё отказаться. Но ведь отказаться хотел лишь потому, что блага ей желал. И сетовал он сейчас не на то, что в жизни его, и без того трудной, стало ещё одной заботой больше. Он её жалел, Крошку Энни, за неё тревожился, переживал, сочувствовал.

И от этого так на душе тепло стало, даже жарко, защемило до слёз, но то были светлые слёзы радости. Энни так редко в своей жизни видела заботу. А тут... совсем чужой человек, и вдруг...

Но самым главным, самым пронзительным, быющим прямо в сердце и решившим для неё всё... стали его слова: «Что *нам с тобой* делать, Энни... Как *мы* дальше жить будем». Казалось бы, не дело взрослому мужчине такие вопросы задавать, сам всё решить должен, а не показывать свои слабости и сомнения.

Но Энни в это самое важное услышала, то, что для Джонатана они уже были связаны неразрывно, были едины.

Он не сказал: «Что *ты* делать будешь?» или «Что *мне* с тобой делать?», он сказал «*мы*». И это его «мы» дорогого стоило.

Должно быть, именно поэтому, вместо того чтобы дуться и обижаться, Энни вдруг себя ощутила такой сильной и счастливой – расправила плечи и улыбнулась ободряюще:

– Не такая уж я и слабая, мастер Уайз! Зря вы меня недооцениваете. И вовсе не белоручка, поверьте! Нас в приюте научили всему, что должна знать хозяйка. Я многое делать умею. Так что... как-нибудь справимся! Главное, не унывать!

Глава 9

– В приюте? – Джонатан удивлённо вскинул брови. – Ты из приюта?

– Да, я сирота. Всю жизнь провела в приюте в Розенторне, – подтвердила Энни.

– А родные? – Уайз снова нахмурился, размышляя о чём-то своём.

– Никого нет. Ну... или я просто о них не знаю, – пожала плечами Анна. – Наставница Агнес говорила, что меня привезли в приют в тот год, когда по Лардлоу прошёл страшный мор. Вероятно, мои родители его не пережили. А о другой родне я ничего не знаю. Имя и фамилию мне дали там, в приюте. Так что, даже если бы я захотела найти кровную родню, не знала бы, где и кого искать.

Она уже давно научилась говорить об этом почти спокойно. Раньше, как и все дети, лишённые родительской любви, мечтала о том, что однажды за ней придут и заберут домой. Так хотелось верить, что попала в приют по какой-то нелепой случайности, что на самом деле её отец и мать живы и разыскивают её. Но в конце концов Энни смирилась с тем, что у неё никого нет, научилась полагаться только на себя и даже радоваться каждому новому дню, и быть благодарной за эту жизнь.

– Вот значит как... – Джо вздохнул и тронул поводья, по-

возка снова покати́лась по ухабистой доро́ге. – И как же ты реши́лась сюда отпра́виться, Крошка Энни? Понимаю, сироте, одной, без подде́ржки родных, в Лардлоу тяжело. Да и за́муж без при́даного не всякий возьме́т. Но всё же не так трудно, как здесь. Или думала, что тут обжа́ться проще? В голове не укла́дывается, что́б де́вица по своей воле в эдакую даль пусти́лась... Ты такая бесстра́шная или такая отча́йная?

– Ни то, ни друго́е, – невесело улы́бнулась Энни и че́стно призна́лась: – По своей воле я бы сюда и не поехала. Но меня́ никто не спра́шивал. Вообще-то я учи́тельницей хоте́ла ста́ть, гуве́рнанткой, де́тей гра́моте учи́ть. Но ко́роль реши́л ина́че...

– Ты о че́м? – Джо даже от доро́ги отвлё́кся.

– Так ве́дь это его ве́личество Виллме́льгер III своим ука́зом пове́лел всех приу́тских воспи́танниц ста́рше восе́мнадцати ле́т сюда отпра́вить, – немно́го расте́рянно пояс́нила Энни. – Вы не зна́ли?

– Впе́рвые слы́шу, – помота́л голо́вой масте́р Уайз. – И что, да́же не спра́сили, хоте́те ли вы е́хать?

А́нна посмотре́ла на мужа́ так мно́гозна́чительно, что Джо́натан и бе́з слов всё поня́л.

– Вот же ста́рая своло́чь! – в се́рдцах вдруг выда́л он. – Со́всем из ума выжи́л! Ни сове́сти, ни жа́лости. Что́ б ему́!

Э́нни испуга́нно распахну́ла глаза́ и да́же рот приоткры́ла – она́ нико́гда в жи́зни не слы́шала, что́бы кто-то сме́л так непочти́тельно отзы́ваться о его ве́личестве. Конечно́, здесь,

кроме неё, не было других свидетелей столь вопиющей дерзости, а она бы ни за что не выдала мастера Уайза, и всё-таки Анне стало не по себе.

Впрочем Джо быстро остыл и продолжил уже спокойнее:
– Сочувствую, Энни. Я и не знал, что среди нынешних невест вот такие приютские есть. Нам говорили, что большинство женщин... э-э-э... – он замялся, пытаюсь подобрать приличные слова и всячески избегая смотреть на новоиспечённую жену.

Впрочем, она и сама смутилась, уже догадавшись, что он имел в виду. Тут же вспомнилась Эмма.

Интересно, встретятся ли они ещё когда-нибудь?

– Да, большинство моих спутниц было... из других мест,
– Энни тактично пришла на помощь мастеру Уайзу.

– Да, именно так... из других... – охотно уцепился за такую благопристойную подсказку Джо.

Энни и самой неловко было, что они заговорили об этом, и она решила перевести разговор на другую тему – правда, тоже весьма щекотливую.

Её с самого начала терзало любопытство за какие-такие провинности угодил в Аттрику сам мастер Уайз. Однако спросить в лоб стеснялась, а может, просто боялась услышать ответ.

Но сейчас, вроде бы, выпал подходящий случай, и Энни им тотчас воспользовалась:

– А вы сами... как же сюда попали? Разве не по воле ко-

роля?

Хитрость не удалась. Джонатан сразу раскусил, что именно интересовало его свежеиспечённую жену.

– Гадаешь, что же я натворил, за что меня на край света сослали? Вдруг придётся жить с убийцей или разбойником с большой дороги. Так? – ухмыльнулся он. – Нет, Энни, я не из каторжников, не бойся! Если уж на то пошло, я-то как раз сюда прибыл не по воле короля, а по своей собственной.

– Вы добровольно покинули дом и отправились в Аттрику? – изумилась Энни. – Но почему? Вам не жаль было расставаться с родиной?

– Нисколько, – скривившись, отрезал Уайз. – У меня в Лардлоу ничего не осталось. Ничего, что бы меня там держало.

Энни поёжилась, несмотря на жаркое солнце – кажется, она невольно задела Джонатана за живое. Пожалуй, лучше пока отложить откровенные разговоры о прошлом.

– А здесь у вас, значит, своя ферма...

– Да, здесь уже обосновался, – Джо тоже охотно перешёл на разговоры о насущном. – Дом построил. Сперва только коз и овец держал, потом место расчистил под аттарикс. Сейчас уже плодоносит вовсю. Плантация хороший доход приносит. Тем и живу.

– И сколько вы уже здесь? – осторожно спросила Энни, пытаясь представить, как много мастер Джонатан успел сделать в одиночку.

– Почти шесть лет, – прикинув в уме, выдал Уайз. И добавил в ответ на изумлённый возглас Энни: – Да, я сюда был в числе самых первых поселенцев. Тогда я был так же юн, как ты сейчас. И меня не пугало даже то, что нас привезли и высадили на практически пустом берегу. Форт Новый Лоу в ту пору напоминал обнесённый частоколом загон для скота, вокруг которого раскинулись непроходимые дебри.

– Неужели за какие-то пять лет здесь всё так изменилось? – Энни просто не верилось, хотя слова Джо подтверждали то, что ей было известно об Аттрике.

– Скажу больше, за последние три года, когда всем тут стал заправлять гранд-мастер Гарнет, – мимолётно улыбнулся Джонатан. – Поэтому колонисты и стали настаивать на том, чтобы к нам отправили женщин, и мы могли, наконец, жениться и жить как нормальные люди. Тут по-прежнему нужно быть начеку, опасностей хватает, но нынче вполне сносно, не так как было.

Какое-то время Энни молчала. Теперь она глядела на мастера Уайза новыми глазами – через что ему пришлось пройти, чего он уже посмотрелся за свою не такую уж большую жизнь? Если он прибыл в Аттрику, будучи её ровесником, то сейчас ему должно быть не больше двадцати пяти.

– А вы... расскажите мне, как оно здесь было раньше, мастер Уайз? – робко попросила Энни.

Джонатан покосился на неё и хмыкнул.

– Расскажу. Но с одним условием...

– Каким? – чуточку напугалась Энни.

– Перестань уже величать меня *мастером* и говорить мне «ВЫ»!

Глава 10

Энни на это только кивнула и тепло улыбнулась Джо. Она вовсе не была уверена, что сможет вот так сразу запросто обращаться по имени к почти незнакомому мужчине, но попробовать стоило.

Чем больше она приглядывалась к Джонатану, тем яснее видела, что тот, пожалуй, смущался не меньше её самой. Пусть мастер Уайз и был мужчиной, причём старше на несколько лет, но, видно, в этих диких краях он не так-то часто говорил с людьми, особенно с девицами. И уж точно не понимал, как вести себя с внезапно свалившейся на его голову женой.

Зачастую ведь как бывает: хочешь чего-то сильно-сильно, а как получишь, так и не знаешь, что с этим делать.

Неудивительно, что мастер Уайз порядком растерялся, когда обрёл супругу, да ещё и вот такую – крохотного роста, совсем юную и мало что выдававшую в этой жизни.

Но саму Энни такие черты характера в муже вовсе не смущали – уж лучше пусть будет немного застенчивым и молчаливым, чем хамоватым, наглым и пошлым, как некоторые на той площади в форте.

Энни поймала себя на том, что за время пути все волнения и страхи окончательно отпустили её душу. Впереди по-прежнему расстилалась неизвестность, да и, судя по словам

мужа, в Аттрике было чего опасаться, но самое пугающее осталось позади.

Выбор был сделан. Человек, с которым ей теперь предстояло жить под одной крышей, оказался вполне достойным и даже приятным. А ещё заботливым. И Энни уже почти поверила в то, что они с Джо смогут найти общий язык и не просто ужиться, а стать со временем настоящей семьёй.

Какое-то время они ехали в тишине, и Крошка снова с интересом взялась разглядывать окружающие их красоты. Никогда прежде она не встречала такого раздолья, такого простора и такого величия. Всё здесь виделось ей таким мощным, огромным, торжественным – и вековые деревья, и колоссальные горы, и безбрежное море, и полноводные реки, и дикие, поросшие бурьяном долины, никем пока не освоенные.

В Лардлоу земли было не так уж много, все ютились близко друг к другу – крохотные дома, слепившиеся вместе глухими стенами, узкие тесные улочки, толпы горожан, снующих по ним. За пределами столицы Энни случалось бывать всего пару раз за всю жизнь, но и там люди жили схоже – каждый клочок земли давно был вспахан или приспособлен под выпас скота.

А тут... кругом никого, лишь свобода да ветер. Дикая природа, тишина, и людей совсем нет. Энни это даже нравилось, но всё-таки немного удивляло.

За всё это время им лишь пару раз встретились чьи-то

фермы, и то далеко-далеко на горизонте. Энни едва смогла разглядеть крошечный домик, изгороди и светлые пятна пасущихся овец.

– Такое чувство, что тут вообще никто не живёт, – вновь заговорила Энни, разрушая тишину. Её любознательность долго молчать не умела. – У вас, вообще, соседи есть, мастер Джонатан?

– Просто Джонатан. «Мастер» – это лишнее, – напомнил Уайз. – Есть. Двое. Но, как сама видишь, тут у нас так просто в гости на обед не пойдёшь. Наделы земли у каждого немалые, при этом далеко друг от друга разбросаны. Да и нарушать чужие границы без приглашения не стоит. По законам Аттрики можно без раздумий пристрелить любого, кто явился на твою землю незваным. За убийство в форте или, к примеру, на дороге – спрашивают по всей строгости, а вот с теми, кто посягает на чужое, можно разбираться на месте.

Энни изумлённо уставилась на своего спутника. Ничего себе нравы!

– Раньше просто много ушлых находилось до чужого добра, – немного смущённо пояснил Джо. – Здесь ведь достаточно тех, кто привык... брать взаймы без позволения хозяина. По-хорошему они не понимают, пришлось их вот так к порядку приучать. Впрочем, мне с соседом повезло – восточнее плантация Колума Лонера. Мы с ним хорошие приятели. Колум – славный малый. Я вас непременно познакомлю.

Энни одобрительно кивнула, и тут же спросила вновь:

– А больше никого в округе нет?

– Ну, отчего же... Ещё севернее ферма есть. Но от её владельца советую держаться подальше.

– Почему? – настороженно удивилась Энни.

– Мы с ним... – Джонатан как-то сразу помрачнел, – не очень-то ладим.

Энни хотела спросить о причинах, но следующие слова мужа заставили её вздрогнуть. Она получила ответ на свой незаданный вопрос, и он ей не понравился.

– Как тебе сказать... Даки Эймс... не тот, с кем хочется водить дружбу...

– Даки Эймс? – голос предательски дрогнул, стоило вспомнить неприятного черноглазого типа, который разглядывал её так, будто она сочный кусок мяса, зажаренный на огне. – Он ваш сосед?

От волнения Энни снова перешла на «вы», но сейчас Уайз этого не заметил, не поправил.

– К сожалению, – кивнул Джо. И тут же добавил, окинув Анну внимательным небесно-синим взглядом. – Что, тоже запомнила его имя, да? Всё верно, это тот самый вдовец, который на тебя глаз положил. Та ещё мразь...

Энни видела, как у мужа заходили желваки, когда он это произнёс. И ей вновь стало не по себе. Все улёгшиеся на дно страхи мгновенно поднялись на поверхность и закружились с новой силой, будто подхваченные ветром листья. Стран-

ная тревога зазвенела внутри, тоненько, но настойчиво, будто предупреждая о чём-то смутном, но неизбежном.

Должно быть, этот страх отразился и на её лице, потому что Джонатан тут же спешно добавил:

– Не бойся, Энни! Я не дам тебя в обиду. На нашей ферме он не появится. Знает, что я ему не буду рад.

Энни кивнула, но на сердце всё ещё было тяжело.

Она хотела задать ещё один вопрос – спросить, что же всё-таки произошло между Джо и этим Даки? Ведь точно мужчины что-то не поделили...

Энни отлично понимала, за что можно невзлюбить мастера Эймса – с мужчинами он наверняка не позволял себе таких вольностей, как те, которые говорил о ней, но всё же легко было представить, что этот человек способен и нагрубить, и уколоть побольнее. Однако здесь явно крылось что-то ещё...

Вероятно, Джонатан знал о своём соседе что-то гадкое, из-за чего так однозначно записал того в негодяи.

Энни успела даже открыть рот, но спросить так и не успела...

В этот самый миг их повозка, обогнув зелёный холм, выкатилась из-за поворота на открытое место, и Энни увидела сперва изгородь неподалеку, затем аккуратные ряды необычного кустарника, а чуть дальше большой бревенчатый дом.

– Вот мы и добрались, – почти торжественно провозгласил Джонатан Уайз. – Добро пожаловать домой, Крошка Энни!

Глава 11

Энни поймала себя на том, что волновалась она не меньше, чем там, на площади в форте. Но тогда к волнению при­мешивался страх, а сейчас радостное предвкушение. Она, конечно, пока ещё не представляла, с чем ей придётся столкнуться – и, вообще, со слов мужа впереди её ждало много трудностей и тяжёлой работы, но на душе всё равно было радостно.

Где-то в глубине сердца, ещё даже не ступив на землю, Энни уже признала это место своим новым домом. Собственно, не новым, а *единственным*, ведь приют для неё настоящим домом никогда не являлся.

И благодарить за это светлое чувство нужно было Джона­тана, который каким-то чудом за время пути успел добиться расположения жены, причём не очень-то и стараясь произ­вести должное впечатление. Просто отнёсся к ней по-хоро­шему, с пониманием, уважительно. А Энни умела отвечать добром на добро.

Она была уверена, что у такого славного человека и дом должен быть таким же славным.

И всё же нетерпение взяло верх. Чтобы получше разгля­деть ферму, к которой они неспешно подъезжали, Энни да­же привстала и вытянула шею.

И тут же за это поплатилась...

На очередном камне повозка подскочила и накренилась, и Анна едва не свалилась. Чтобы не выпасть, Энни пришлось резко качнуться назад. Обернулось это тем, что она всё-таки упала... только не на дорогу, а прямо на Джо.

Мастер Уайз даже не охнул, зато снова показал чудеса ловкости – успел её подхватить одной рукой, в другой муж по-прежнему держал вожжи.

А вот Энни стало неловко.

– Простите! – смущённо пискнула она, мысленно ругая себя за неуклюжесть.

А через миг Анна и вовсе залилась краской стыда, сообщив, что плюхнулась прямиком на колени к Джонатану. А тот, не располагая особо временем для размышлений, поймал её... за что пришлось, и теперь широкая загорелая пятерня Уайза лежала как раз на её правой груди, и как-то... не торопилась покинуть сей *милый холмик*.

Энни ощутила, как по спине, сверху вниз, табуном пробежали мурашки. Впервые она оказалась так близко к мужчине, впервые ощутила, каким горячим и твёрдым может быть его тело. Джо, правда, сегодня уже ловил её, когда она неудачно пыталась забраться в повозку, но сейчас всё вышло куда более нескромно.

Мурашки тут же понеслись обратно, снизу вверх, когда у самого уха, щекоча горячим дыханием, раздалось чуть хрипло:

– Осторожно, Энни! Держись крепче!

– Простите! – ещё тише повторила Анна, сползая обратно на лавку и спешно отворачиваясь, чтобы Джонатан не заметил, как запылали её щеки.

Наконец они подъехали к изгороди, и Джонатан легко соскочил на землю.

Энни хотела последовать за ним, но муж остановил её коротким:

– Обожди!

Свалиться в третий раз было бы как-то чересчур, и Энни послушалась, осталась в повозке. И теперь, пока Джонатан открывал ворота, с высоты могла рассмотреть и сбитые из длинных жердей добротные изгороди, и довольно большой дом с застеклёнными окнами, покатою крышей и высоким крыльцом. Дальше виднелось несколько построек поменьше. В большом загоне вместе разгуливали козы и овцы.

Внимание Энни привлеки и растянутые у подножья холма ровные ряды красивых кустарников. Прежде ей доводилось видеть аттарикс только на картинке в ботанической энциклопедии. А тут... вон его сколько!

Энни успела отметить и порядок, царивший на подворье. Словом, на первый взгляд, ей тут всё нравилось.

Мастер Уайз, тем временем, завёл лошадь прямо с повозкой во двор, запер ворота и наконец подошёл к Энни.

– Ну, спускайся... жена! – Джо потянулся к ней и, подхватив за талию, легко поставил на землю. Тут же взял за руку и уже привычно повёл за собой: – Идём! Для начала с Братом

тебя познакомлю...

– У вас есть брат? – опешила Энни. Уж такого она никак не ожидала. Мало того, что Джонатан умолчал о наличии столь близкого родственника, так ещё и не сказал, что тот тоже живёт на ферме.

– Есть. Самый лучший, самый верный и надёжный, – с гордостью поведал муж и, усмехнувшись, присвистнул и крикнул звонко: – Брат! Брат!

Но на его зов никто не откликнулся.

– Странно... Обычно всегда встречает, – пожал плечами Джонатан. – Должно быть, плантацию обходит или в лес подался...

Лес, кстати, Энни тоже заметила. Совсем неподалеку, с западной стороны от фермы, исполинские деревья вздымались стеной, изумрудной, местами с оттенком синевы. Они казались такими древними и мрачными, что Крошка невольно поёжилась.

– Ладно, тогда пойдём пока в дом! – увлёк её дальше Джонатан. – Завтра всё толком посмотришь. А на сегодня тебе и так хватит... Устала, небось, с дороги? Дело уже к вечеру, темнеет у нас рано. Я обычно встаю до рассвета, а ложусь, как солнце сядет. Так что скоро спать будем. Сейчас поешь, отдохнешь... А я пока скот накормлю да воды тебе согрею. Так-то у меня там за домом бочка стоит на солнце, за день нагревается так, что хоть суп вари. Но вдруг тебе прохладной покажется.

– О, да, помыться очень хочется! И... можно не греть, лишь бы побыстрее, – не сдержалась Энни. Избавиться от дорожной грязи и въевшегося в кожу запаха ксены хотелось даже больше, чем поесть и прилечь.

Джонатан пожал плечами.

– Ну, если так... Пойдём сразу покажу, где... – Он на миг приостановился и нахмурился. – Вот же! Совсем не подумал... А у тебя другая одежда-то есть? В чистое... переодеться...

– А... ой... да! – Энни метнулась обратно к повозке за своим узелком, но не дотянулась с земли.

Хорошо, что Джонатан всё ещё был рядом и тут же помог достать.

– Прости, что сразу не спросил, – виновато продолжил муж. – Нужно было в лавку в форте заехать, докупить всё, что требуется. Ну, шляпу вот, и платья, и... разное. Там, правда, женских вещей не так уж много продают, но всё-таки. А я как-то... Даже в голову не пришло.

– На первое время у меня всё есть, – заверила его Энни. – Кроме шляпы.

Она прекрасно понимала, что мысли Джо Уайза ныне были заняты совсем другим, да и её собственные тоже. Да и, если уж говорить честно, сегодня днём она была ещё совсем не готова идти выбирать одежду с совершенно чужим ей мужчиной.

А вот теперь... они уже обсуждали её гардероб и возмож-

ность отмыться с дороги.

Да-а-а... Как же стремительно всё менялось в жизни Энни в последнее время!

– Ну... вот... собственно... Вода! Ага, отлично. Тёплая. Как парное молоко... Вот тебе черпак. Отсюда набирай, сюда налить можно. Таз этот чистый. Здесь вот мыло. Что ещё? Вещи можешь вот сюда положить, чтобы не намокли. Ах, да... вытереться же надо после... Вот держи! Грязное потом замочи вот в этом ведре. Вроде всё... – Джонатан огляделся и добавил, будто благословляя: – Приступай!

Энни, всё это время растерянно молчавшая, и сейчас не смогла выдавить ни слова, только многозначительно хлопала глазами.

Всё дело было в том, что... *купальня* мастера Уайза представляла собой открытый всем ветрам пятачок прямо за углом дома.

Ну... тут Крошка немного преувеличивала. От ветра как раз он был защищён: с одной стороны – стеной дома, с другой – стеной сарая. Но вот с двух других не наблюдалось даже какой-нибудь ширмы. Да, здесь была и тёплая вода, и мыло, и полотенце. Вот только мыться нужно было у всех на виду.

Энни тут же напредила себе, что в округе не обитало никого, кроме хозяина дома и стада овец, а потому стесняться Джонатану точно было некого.

Но она-то никак не могла раздеваться у него на глазах! Кажется, Джо и сам понял, что её так смутило.

– Я... буду там, в хлеву... – неопределённо махнул он рукой. – Оттуда тебя не видно. Завтра... что-нибудь придумаю, с этой стороны тоже загорожу. Ладно, пойду. Ты... как закончишь, кликни меня! Я услышу.

– Хорошо, – поспешно кивнула Энни, смутившись его понимания ещё больше, чем необходимости раздеваться вот так, посреди двора.

Джонатан ушёл. Она проводила его взглядом. Со стороны хлева уже раздавалось радостное многоголосое блеяние, а она всё ещё не решалась снять платье. Нет, Энни не думала, что мастер Уайз слукавил и станет за ней подсматривать. И всё же ей было как-то не по себе.

Однако стоило зачерпнуть в ладонь чистую тёплую воду из бочки, как желание окунуться в неё перевесило всякое стеснение, и Энни принялась торопливо скидывать одежду.

Глава 12

Благие духи, какое же это наслаждение – тёплая чистая вода! Да ещё так много – целая бочка! Энни могла бы в неё вся целиком с головой занырнуть, но ей и в тазу счастья хватало. Можно плескаться сколько душе угодно, взбивать мыльную пену, и никто с тебя не спросит.

Какое же счастье просто иметь возможность вымыться, просто дышать свежим воздухом, наполненным ароматами цветов и древнего леса, а не спёртым зловонием трюма, просто греться в лучах закатного солнца, а не шуриться в полумраке.

Энни буквально млела от удовольствия.

Сперва она хорошенько, не жалея мыла, оттерла всё тело, будто желала вместе грязью и запахом ксены смыть все свои былые неудачи, испытания и страхи. Затем взялась промывать волнистые светлые локоны, которые за время пути на «Виллмельгере» превратились в тусклую серую паклю. С этим пришлось повозиться подольше.

Но вот наконец-то Энни окатила себя чистой водой в последний раз и решила, что на сегодня хватит. Солнце над лесом, и правда, уже цеплялось за верхушки деревьев, и пора было, наконец, вытираться, одеваться и звать Джонатана. Энни отжала мокрые волосы, взялась за полотенце, и вдруг...

Звук, раздавшийся у неё за спиной, заставил её вздрогнуть. Медленно-медленно, стараясь не двигаться резко, Крошка обернулась и узрела перед собой... чудовище.

В нескольких шагах от неё стоял огромный волк. Настоящий волк, громадный, взлохмаченный, тёмно-серый. Шерсть у него на загривке топорщилась, будто гребень сказочного дракона. Зверь недобро скалился, показывая огромную пасть и острые клыки во всей своей ужасающей *красе*. А низкий гортанный рык, который и услышала Энни, явно намекал на то, что чудовище вот-вот броситься на неё и перекусит пополам, а то и целиком проглотит.

Энни замерла, прижав к груди мокрое полотенце. Нет, сейчас она не о приличиях радела, просто ничего больше под рукой не оказалось, а спрятаться хоть за что-то очень хотелось. Нужно было закричать, позвать на помощь, но во рту мгновенно пересохло, язык одеревенел и не желал шевелиться.

А потом волчище, опустив ниже голову, выдал что-то вроде: «Вуф» – да так громогласно гавкнул, что у Энни уши заложило. И тут её разом покинули и бесстрашие, и благоразумие, и благодушие.

Крошка Энни заверещала так, что её должны были услышать не только в форте Новый Лоу, но и в приюте по ту сторону океана. Одновременно с этим она швырнула мокрое полотенце прямо в хищную серую морду, а потом, недолго думая, выплеснула на чудовище ведро воды, после чего запу-

стила в него и самой деревянной утварью.

Волчище слегка опешил от такого отпора, но, похоже, только рассвирепел еще больше. Встряхнувшись, снова пошёл в атаку...

Но тут по двору разнёсся окрик, не менее грозный, чем злобный рык этого самого зверюги:

– Нельзя! Назад! Нельзя!

Джонатан мчался к ней на помощь, а злобный волчище, увидав хозяина дома, внезапно присмирел, покорно замер и прижал уши.

– Курица! Курица! Нельзя, Брат! Не трогай! – совсем уж непонятно, продолжал кричать мастер Уайз, смело подбегая к лютому зверю и хватая его за вздыбленный серый загривок.
– Курица! Нельзя!

Энни ошалело смотрела на эту нелепую сцену, вжавшись в стену дома. Самую пикантную часть тела она машинально прикрыла черпаком для воды, который тоже собиралась использовать как оружие. *А верхнюю часть*, благо, немного спасали растрепавшиеся мокрые волосы. Правда, сейчас она едва ли отдавала себе отчёт в том, что стоит нагишом перед едва знакомым мужчиной, пусть и собственным супругом.

От страха все мысли выветрились из головы, и поняла она это, лишь когда Джо ткнул пальцем в её сторону и строго велел:

– Нельзя! Это Энни. Энни своя. Нельзя трогать Энни!

Тут Уайз и сам как будто внезапно прозрел...

Руки его продолжали удерживать грозное чудовище, которое, утомившись, вдруг предстало в образе обычного пса, пусть и довольно крупного. Но о сером разбойнике Джо, видимо, уже позабыл. Изумлённый взгляд синих глаз буквально приклеился к Анне и теперь медленно, тягуче скользил по телу: от маленьких босых стоп к белым коленям, и выше, к сжатым бёдрам, *черпаку*, плоскому животу, по которому всё ещё скатывались капельки воды, а дальше к маленькой груди, скрытой шелковистой завесой мокрых локонов.

И лишь когда глаза их встретились, Энни почувствовалось, что в воздухе между ними полыхнули и погасли искры, а Джо дёрнулся и резко отвернулся.

– Прости, Энни! – через пару мгновений заговорил он, больше не пытаясь смотреть в её сторону. – Я не заметил, когда он прибежал. Поглядывал, но пропустил. Не бойся! Он уже не тронет. Брат не злой, просто... чужих не любит. Он ведь пока тебя не знает... Ты... всё?

– Мне... надо одеться... – Энни с трудом заставила себя ответить хоть что-то. Губы у неё до сих пор дрожали, и кажется, не только губы, её всю лихорадило.

– Н-да, конечно... Ты одевайся! Я подожду. Лучше... здесь подожду.

Энни возражать не стала. Джонатан так и оставался к ней спиной, не смотрел, зато был рядом. И это её вполне устраивало.

Вдруг этот волк-пёс не единственное чудовище, обитаю-

щее на ферме Уайза.

Крошка принялась судорожно натягивать одежду. К ещё влажной коже всё липло, и она возилась дольше, чем хотела. Зато немного успокоилась, пока отвлеклась на такое простое будничное дело.

Теперь это нелепое происшествие уже не казалось таким ужасным.

«Брат... Ничего себе, братец...» – мысленно усмехнулась она, покосившись на серую *гору*, послушно замершую у ног хозяина.

– А ты... уже все дела закончил? – поинтересовалась Энни, чтобы разрушить неловкую тишину.

– Да, можно идти ужинать, – согласно мотнул головой он.

Энни натянула платье, осталось только расправить юбку и затянуть шнуровку на плечах, когда в голову ей пришла странная мысль:

– Джонатан...

– Что?

– А что ты там про курицу кричал?

Джо, забывшись, оглянулся и, заметив, что она почти готова, решил повернуться лицом.

– Э-э-э... ну... понимаешь... – Уайз замаялся и виновато пожал плечами. – Брат просто знает, что куриц ловить нельзя. Я его так приучил. Вот я тебя курицей и назвал. Чтобы он понял, что тебя нельзя кусать... Прости! Я... Ты не обиделась?

Энни не обиделась. Энни расхохоталась. Да так заливисто и звонко, что на душе тотчас вновь стало светло и радостно.

Ну как тут не смеяться? Брат... курица... и черпак на самом интересном месте.

Джонатан, глядя на неё, подхватил смех. И только грозное чудище посматривало на них в недоумении. Наверное, нечасто этому псу доводилось слышать, как хозяин хохочет.

– Пойдём домой! – просмеявшись, позвал Джо и уже так привычно протянул руку.

Мои дорогие, благодарю всех, кто последовал дальше вместе с Энни и Джо!

Впереди у нас ещё множество приключений и курьёзных ситуаций!

Глава 13

Уже перед самой дверью, когда поднялись на крыльцо, Энни вдруг охватил странный трепет. Такое волнительное, торжественное чувство, почти благоговение, словно она стояла не у входа в обычный человеческий дом, а собиралась войти в святилище благих духов.

Кажется, она только сейчас в полной мере осознала, что за этой дверью её ждала новая жизнь. Что ж... пора было оставить прошлое за спиной и переступить порог.

Вот только сделать этот шаг ей не дали.

Джонатан любезно распахнул перед Энни дверь, а потом неожиданно подхватил её на руки, проворно и ловко. Анна взвизгнула и вцепилась в его рубашку, для надёжности обеими руками. Впрочем, удержать такую кроху для Уайза, видимо, труда не составляло.

– Мой дом – твой дом, оставайся на благо в нём! – степенно проговорил Джо, переступая порог с невестой на руках, и лишь внутри поставил её обратно на ноги. Невозмутимо пояснил: – В старом Лардлоу так принято. Обычай есть – на руках молодую жену в дом вносить, чтобы она случайно на порог не наступила. Говорят, иначе счастья не будет. Ну и присказка эта... вроде благословения, чтобы духи этой земли и дома тебя приняли под свою защиту. Я как-то давно, ещё мальчишкой, на свадьбе у соседей это всё видел, и вот...

надо же... запомнил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.